

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

подпись	инициалы, фамилия
« _____ »	_____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01– История

Красноярско-Канская лесостепь в системе
межкультурных связей в позднем бронзовом веке

Руководитель

подпись, дата

должность, ученая степень

В. П. Кривоногов

Выпускник

подпись, дата

А. В. Кудров

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Красноярская культура – пример автохтонной культурной общности.....	8
1.1. История изучения керамики карасукоидного облика Красноярско-Канского лесостепного района.....	17
1.2. История изучения бронзовых изделий карасукской культуры в Красноярско-Канской лесостепи	22
2. Сравнительный анализ археологического материала Красноярско-Канской лесостепи.....	34
2.1. Бронзовые кельты.....	34
2.2. Бронзовые ножи.....	39
2.3. Бронзовые кинжалы.....	42
3. Межкультурные связи на территории Красноярско-Канской лесостепи.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	58
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	61
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Красноярско-Канская лесостепь еще с XIX века обращает на себя внимание исследователей-археологов, однако по-прежнему остается актуальной проблема слабой изученности данной территории, а вследствие и слабой освещенности в научной литературе. Связано это, в первую очередь, с небольшим количеством найденных материалов, нередко представленных случайными находками. По-прежнему ведутся споры и о происхождении выделенной «красноярской культуры», главным образом в контексте внешнего влияния на развитие, например, гончарного ремесла и металлургического производства. В этом контексте тема межкультурных связей в данном регионе является как нельзя актуальной, так как ответила бы на озвученные выше вопросы.

Степень изученности темы. На сегодняшний день нет отдельных работ по теме межкультурных коммуникаций на территории Красноярско-Канской лесостепи, однако подавляющее большинство исследователей так или иначе касалось темы связей между различными культурными общностями. История изучения межкультурных коммуникаций Красноярско-Канской лесостепи рассматривается через историю изучения красноярской культуры – местного этапа карасукской культурной общности.

Первые упоминания о красноярской культуре можно встретить в работах Г. Мергарта (1920-е гг.)¹. Исследователь вводит данный термин, а также обозначает границы новой культуры – центральные области лесостепных районов Красноярского, Ачинского и Канского уездов. Г. Мергарт делает выводы о взаимодействии населения района Красноярска с представителями других культур (выделяемых «минусинской», «томской», а также сейминской, ананьинской и др.)

¹ Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае / Г. Мергарт. Известия КОРГО. Красноярск. 1923. Т. III. Вып. I. С. 29-26.

В дальнейшем концепция «красноярской культуры» была продолжена в исследованиях В. Г. Карцова, который провел систематизацию археологических материалов Красноярского района².

Вопросами культуры на выделенной территории занимались Э. Р. Рыгдылон³ (не выделял как отдельную культуру, но подчеркивал особенности), С. В. Киселев⁴, Г. А. Максименков⁵, Н. Л. Членова⁶, а также современные исследователи П. В. Мандрыка, В. А. Адамович⁷, Л. В. Новых⁸, Н. А. Савельев и др.⁹ На сегодняшний день выделяется две концепции касательно идентификации культуры: как локальный вариант карасукской культуры, обладающей своей спецификой (Э. Р. Рыгдылон, Г. А. Максименков, Н. Л. Членова, П. В. Мандрыка)¹⁰ и как возникшая в Красноярско-Канском лесостепном районе самобытная культура (Г. Мергарт, В. Г. Карцов, Л. В. Новых, Н. А. Савельев, А. А. Тимощенко, Н. П. Макаров)¹¹. Несмотря на то, что все исследователи отмечают особенности культуры, четких критериев по-прежнему не существует.

Цель исследования – систематизация имеющихся сведений по данной теме и создание четкой модели системы межкультурных связей на

² Карцов, В. Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов. Государственный музей Приенисейского края. Красноярск. 1929. С. 20–21.

³ Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска / Э. Р. Рыгдылон. КСИА. 1955. № 60. С. 129-135.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: Издательство АН СССР. 1951. 644 с.

⁵ Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска / Г. А. Максименков. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1961. С. 301-315.

⁶ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи / Н. Л. Членова. М.: Наука. 1972. 250 с.

⁷ Мандрыка П. В., Адамович В. А. Новый памятник карасукского времени в районе Красноярска / П. В. Мандрыка, В. А. Адамович. Древности Приенисейской Сибири. Красноярск. РИО КГПУ. 2003. Вып. II. С. 68-73.

⁸ Новых Л. В. Компоненты и символы Красноярской культуры эпохи поздней бронзы / Л. В. Новых. Культура как система в историческом контексте: опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс. 2010. С. 451-482.

⁹ Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) / А. А. Тимощенко, Н. А. Савельев. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 5. С. 19-27.

¹⁰ Мандрыка П. В. Сенотрусова П. О. Красноярская археологическая культура : историография и современное состояние / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова. Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). Красноярск, 27–30 декабря 2017 г. отв.ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров, ред.кол. 2017. С. 79.

¹¹ Там же. С. 79.

территории Красноярско-Канского лесостепного района в период поздней бронзы.

Задачи исследования:

1. провести историографический обзор изучения материалов поздней бронзы Красноярско-Канского лесостепного района;
2. систематизировать информацию о месте и характере обстоятельств обнаружения бронзовых изделий карасукского облика;
3. проанализировать историю изучения керамики, погребально-поминальной обрядности и металлургии поздней бронзы Красноярско-Канского лесостепного района;
4. провести типологию бронзовых изделий карасукоидного облика, выделить особенности их изготовления и орнаментации;
5. реконструировать систему межкультурных связей населения эпохи поздней бронзы Красноярско-Канской лесостепи на основании проанализированных археологических материалов.

Объект исследования – система межкультурных связей Красноярско-Канской лесостепи в позднем бронзовом веке

Предмет исследования – развитие межкультурных отношений на территории Красноярско-Канской лесостепи

Хронологические рамки исследования – XIII–IX в. до н.э., выделяемые как период позднего бронзового века на территории Сибири

Территориальные рамки исследования. Территория Красноярско-Канского лесостепного района. Собственно, данный лесостепной район можно обозначить как территорию Красноярской и канской лесостепи.

Красноярская лесостепь простирается с юга на север на 110–150 км, протяженность с запада на восток составляет не более 80 км. Основная территория Красноярской лесостепи расположена по левобережью Енисея к северу от г.Красноярска. На самом юге небольшим участком она переходит на правый берег Енисея и здесь ограничена отрогами Восточного Саяна – Торгашиным хребтом и Куйсумскими горами, доходя на юго-востоке до ст.

Петряшино. Далее граница проходит через сс. Красная Сибирь (Чкалово) – Лопатино – Вознесенка – Бархатово – Новый путь – Додоново. Большая часть восточной границы лесостепи далее проходит вдоль подножия Енисейского кряжа, на севере – около с. Большой Кантат, орографически не выражена, на запад идет через сс. Айтат – Михайловка – Хмелево – Межово – Тальское – Гляден – Еловая – Элита – Минино – по линии железной дороги до г. Красноярска. Площадь лесостепи составляет 5,4 тыс. кв. км.¹²

Канская лесостепь отличается наибольшими размерами. Она протягивается с юга на север почти на 200 км и с запада на восток от 60 до 125 км. Площадь ее равна 17 тыс. кв. км, что почти вдвое превосходит площадь Красноярской и Ачинской лесостепей вместе взятых. Граница на юге и западе проходит по предгорьям Восточного Саяна и Енисейского кряжа, на юго-востоке – по долине р. Кан, резкой орографической границы на севере нет. Самая южная точка – с. Агинское, западная – с. Никольское (около г. Уяр), северная граница проходит у с. Абан, идет вверх по р. Абан до с. Михайловка, далее на г. Иланск вдоль линии железной дороги. Таким образом, общая площадь рассматриваемой территории 27,5 тыс. кв. км.¹³ Исследователи данный район чаще всего рассматривается как Канско-Рыбинская котловина, с востока имеющая примерно те же границы, однако на западе прилегающая к району Красноярска. В процессе изучения данной темы было решено брать за основу это территориальное деление, так как каннский лесостепной район не охватывает всех памятников карасукской эпохи.

Методы исследования включают в себя системный метод, позволяющий рассмотреть историю Красноярско-Канской лесостепи периода поздней бронзы через призму межкультурных связей, составляющих различные племена, а те, в свою очередь, через их многочисленные

¹² Антипова Е. М. Флора внутриконтинентальных островных лесостепей Средней Сибири: монография / Е. М. Антипова. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. С. 53.

¹³ Там же. С. 54.

памятники. Также использовался метод сравнительно-исторического анализа – сопоставление археологического материала разных территорий/ времени, сравнение взглядов исследователей на проблемы истории и, главным образом, межкультурных связей указанного лесостепного района. Метод периодизации, также именуемый диахронным методом, позволил структурировать данную работу при рассмотрении истории Красноярско-Канской лесостепи, подразделяя ее на принятые этапы, а также задействованный проблемно-хронологический метод – рассмотреть историю красноярской культуры как общность, зародившуюся благодаря влиянию других племен, как на этапе зарождения, так и в ее развитии.

Источниковая база исследования включает в себя опубликованные материалы с мест проведения раскопок на территории Красноярско-Канского лесостепного района, а также сопредельных территорий (фотоматериалы). Среди них изделия из металла (бронза) и керамика.

Практическая значимость работы состоит в возможности ее применения при дальнейшем изучении истории Красноярской лесостепи, с привлечением всего накопленного археологического материала.

Работа включает в себя введение, основную часть, состоящую из трех глав, заключение, список литературы и источников, а также приложения.

1. Красноярская культура – пример автохтонной культурной общности

Красноярско-Канская лесостепь расположилась в юго-западной части Среднесибирского плоскогорья на границе равнинных и горных ландшафтов, что определило своеобразие ее культурного развития. В различные периоды эта территория была зоной культурных контактов древних племен Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской культурных провинций. На обширном пространстве, включающем в себя так или иначе территории современных Абанского, Березовского, Большемуртинского, Дзержинского, Емельяновского, Иланского, Ирбейского, Канского, Манского, Нижнеангашского, Партизанского, Рыбинского, Саянского, Сухобузимского, Тасеевского и Уярского административных районов в XIII–IX вв. до н.э. проживали племена, относимые исследователями к совершенно разным культурным общностям, но, несомненно, взаимодействующие между собой. Проживающие здесь племена карасукцев взаимодействовали с лугавцами, андроновцами, тагарцами и другими.

Межкультурная коммуникация (по А. П. Садохину¹⁴) – совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. В свою очередь выделяются три формы межкультурной коммуникации:

- Прямая (Передача знаний, умений, навыков, либо продуктов производства напрямую, посредством диалога)
- Косвенная (Контакт происходит через какие-либо средства информации или производства (произведения искусства, ремесла), носит односторонний характер)

¹⁴ Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин. М.: КИОРУС, 2014. 254 с.

- Опосредованная (Взаимодействие осуществляется с помощью посредника, будь то человек или средство – предмет и прч.)

Исследователь Л. С. Клейн, известный советский и российский историк и культур-антрополог выдвинул коммуникационную теорию эволюции культуры, суть которой в том, что передачу культуры от поколения к поколению можно представить как сеть коммуникаций, растянутую во времени.¹⁵ Для передачи информации от одного поколения к другому необходимы каналы связи, а также некоторая повторяемость информации. Каналами связи в нашем случае могут служить носители культурной традиции (карасукской или какой-либо другой), а повторяемость культурной информации может быть достигнута через хозяйственную деятельность, погребальные обряды и т. д.

Что касательно контекста межкультурной коммуникации, то здесь необходимо учитывать внешний, внутренний и временной параметры. Внутренний определить проще всего – в нашем случае это период позднего бронзового века в Красноярско-Канской лесостепи (XII–IX в. до н.э), внешний несколько сложнее – здесь имеется ввиду место состоявшейся коммуникации. Но главным образом эта работа будет посвящена ее внутреннему аспекту – вопросам культурной идентичности, ценности и индивидуальным особенностям коммуникантов. Проще говоря, все те вещи, что отличают одну культуру от другой.

Еще в начале XX века исследователями были сделаны выводы, на основании которых мы можем говорить о существовании на территории Красноярско-Канской лесостепи самобытной культуры, также выделяемой как «красноярская культура», имеющей ряд особенностей, но также подверженной внешнему влиянию, главным образом с юга – Минусинской котловины и востока – Байкало-ангарского региона. Чтобы разобраться с тем,

¹⁵ Клейн Л. С. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации / Л. С. Клейн. Грани культуры. Вторая международная научная конференция 4-6 ноября 1997 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб. 1997. С. 107 - 110.

какое влияние привнесли контакты между носителями выделенной «красноярской культуры» с представителями других племен, мы, на основе известного на сегодняшний день материала, выделим характерные особенности изделий тех и других, подчеркнем имеющие сходства между ними.

Необходимо кратко осветить основные этапы изучения материалов эпохи позднего бронзового века Красноярско-Канской лесостепи. Данная территория в различные периоды была зоной культурных контактов древних племен Западной и Восточной Сибири, которые к эпохе бронзы начинают затухать в восточной части региона ¹⁶.

Выводы о наличии самобытной культуры эпохи бронзы впервые озвучил Г. Мергарт, этим же вопросам посвящена его работа «Результаты археографических исследований в Приенисейском крае». Он предположил наличие на Енисее самостоятельной культуры эпохи бронзы, обозначенной им как красноярская, базирующейся на культуре неолитической. Исследователь отмечал, что «употребление металлических орудий не изменяет этого неолита» и, в целом, облик красноярской культуры остается неолитическим. Одним из основных критериев выделения красноярской культуры, по Г. Мергарту, являются так называемые «кельты красноярского типа», территория распространения которых охватывает Красноярско-Канский лесостепной район. ¹⁷

Через несколько лет выходит работа ¹⁸ В. Г. Карцова, являющаяся по своей сути первым обобщающим трудом, объединившем в себе все исследования на данной территории. Уже выделенная красноярская культура обозначена исследователем как культура палеометалла (бронзы), поздний

¹⁶ Макаров Н. П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири/Н. П. Макаров. Вестник ТГУ. История. № 4 (42). 2016. С. 94–97.

¹⁷ Тимошенко А. А., Выборнов А.В., Рыбин Е. П. Анжевский комплекс археологических памятников - новый разновременный могильник на территории Канско-Рыбинской котловины. Предварительные данные. 2018 / А. А. Тимошенко А. В. Выборнов. Теория и практика археологических исследований. № 2. 2018. С. 99–116.

¹⁸ Карцов, В.Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов. Государственный музей Приенисейского края. Красноярск, 1929. С. 20–21.

этап которой приходился на ранний этап периода неометалла(железа). Красноярская культура, по мнению В. Г. Карцова уступает в развитии также выделяемым минусинской и приангарской. Однако уже стоит вопрос о том, что нужно отличать все три выделенные культуры, каждая из которых имеет ряд специфических черт. В красноярской культуре хоть и прослеживалось влияние соседних культурных общностей, однако материалы археологических исследований, проводимых на территории Красноярского района, показали, что те не могут быть целиком и полностью отнесены к той или иной культуре. Так продолжается идея самобытности локального варианта карасукской культуры – о последнем, правда, В. Г. Карцов в своем труде не говорит.

Перу Г. Мергарта принадлежит мнение и об отсталости данного района в силу его географической изолированности. Оно было поддержано рядом сибирских археологов, в числе которых был и Н. К. Ауэрбах, посвятивший свою жизнь изучению данного района. Это мнение существовало весь 2 этап исследования Красноярско-Канской лесостепи (1920 – 1940-е гг.) И только во 2 половине XX века Э. Р. Рыгдылоном делается вывод о принадлежности красноярской культуры к «карасукскому миру», датировав ее периодом поздней бронзы. В этот же период было опровергнуто мнение об ее отсталости – в своей работе «Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея» А. П. Окладников обратился с критикой взглядов Г. Мергарта, который на основании собственных методологических ошибок пришел к ошибочному мнению об отставании данного региона, прочно устоявшемуся в науке. Все объяснил замедленный процесс почвообразования на месте раскопок В. Г. Карцова (с.Есаульское) в результате чего в одном горизонте оказались разновременные вещи. Так, в результате ошибок исследователей, утвердилось мнение о постоянном отставании региона.

Постепенно происходит выделение металлургических центров на территории Сибири – это связано в первую очередь с работами

М. П. Грязнова (Минусинская котловина) и Г. П. Сосновского (Забайкалье). Последний, на основе своих исследований в Минусинской котловине и Забайкалье, приходит к выводу о том, что «в каждом из этих районов культура карасукского времени развивалась на своей основе»¹⁹. А также говорит о среднеазиатском влиянии, сравнивая найденные карасукские бронзы с аналогичными с территорий южнее пустыни Гоби. Г. П. Сосновский также отмечает сходство карасукской и афанасьевской керамики, делает выводы о сосуществовании андроновцев и карасукцев (культура последних производная от андроновской)²⁰. В последствии М. П. Грязнов, руководивший работой Красноярской экспедиции, (было исследовано свыше тысячи могил на трех из тридцати раскапываемых могильниках), выделяет каменоложский этап культуры, погребения которой схожи с ранее известными лугавскими (федоровскими). Однако различий между лугавскими и каменоложскими могилами не так много.

Также М. П. Грязнов выделяет три типа бронзовых коленчатых ножей по их происхождению и характерным чертам: ножи сейминского типа и бронзовые ножи Забайкалья и Прибайкалья. Исследователь делает выводы о происхождении карасукской культуры от андроновской, хотя и отмечает различие найденных предметов : посуды, оружия и утвари. При анализе обеих культур М. П. Грязнов также делает акцент на том, что культурные общности имеют схожие формы хозяйства и большую охватываемую территорию.

Выводам М. П. Грязнова противоречит Э. А. Новгородова, говоря о невозможности преемственной связи карасукской культуры от андроновской при полном отсутствии памятников-погребений переходного типа. В своей монографии²¹ исследователь также отмечает то, что выделенные

¹⁹ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. С. 51.

²⁰ Новгородова Э.А. Центральная азия и карасукская проблема / Э. А. Новгородова, Л. Р. Кызласов. М.: Наука, 1970.С. 13.

²¹ Там же. С. 13.

М. П. Грязновым ранее локальные варианты карасукской культуры часто не имеют с оной ничего общего, либо имеют больше сходств, чем различий.

Точки зрения об андроновском происхождении карасукской культуры также придерживается Г. А. Максименков, акцентируя внимание на связях карасукской и окуневской культур, представители которой, по словам исследователя, «дожили» до карасукской эпохи. Также Г. А. Максименковым определены географические рамки красноярской культуры, считая основным ее ареалом красноярскую и канскую лесостепи, тем самым расширив мнение Г. Мергарта, считавшего окрестности г.Красноярска центром новой культуры.

Продолжив мысль о развитии красноярской культуры, Г. А. Максименков высказал мнение о том, что бронзовые культуры Среднего Енисея развивались параллельно более развитым, как считалось, Минусинской котловины. Г. А. Максименков, поставив своей задачей изучение медно-бронзовых изделий красноярского района, выявляет черты, характерные только для данного типа и позволившие отличать материалы данной группы от тех же минусинских.

Ю. С. Гришиным и многими другими исследователями делается вывод об развитом металлургическом производстве. По словам исследователя, на территории Красноярско-Канской лесостепи сложился очаг металлургии бронзы, испытывающий влияние очагов минусинского медно-бронзового литейного производства, а также очагов районов Забайкалья и Казахстана. Исследователь посвятил изучению бронзовых и медных изделий свой труд «Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы» в котором не только рассмотрел этапы возникновения и развития металлургии на данной территории, но и провел довольно подробную классификацию различных

типов бронзовых изделий с целью более точного определения их типологических особенностей, а также техники изготовления.²²

В 1970-е гг. Э. Р. Рыгдылоном сделан вывод о существовании в Красноярской лесостепи варианта карасукской культуры, датируемого периодом поздней бронзы.²³ Большое внимание карасукской культуре также уделил А. П. Окладников в своем многотомном труде «История Сибири с древнейших времен до наших дней». В отдельной главе исследователь описывает жизнь и быт кочевых карасукских племен, делает вывод о обособленном развитии этих племен друг от друга.²⁴ Отдельное внимание в труде А. П. Окладникова уделяется погребальному обряду, также подробно описанному в труде Э. Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея»²⁵. Как и в предшествующей карасукской андроновской культуре, могильники представляли из себя подобие ящиков из каменных плит. Вокруг могилы часто сооружали каменную ограду квадратной или круглой формы, очень часто ограды примыкали одна к другой. Покойного хоронили в одежде, снабжали едой и напитками – от того, мясо какого животного помещали в могилу покойного делался вывод о его положении в обществе. В могилу помещали и оружие, однако очень часто помещалась лишь его часть вроде острия лезвия ножа.

К концу 80-х гг. XX вв. исследователями признавалось культурное своеобразие данного региона, были предприняты попытки выделения местных металлургических центров, однако доказательной базы для тех или иных выводов по-прежнему не хватало. Исследователи строили свои гипотезы исходя из случайных находок. А после на следующем этапе изучения ученые ставят себе задачу изучить памятники в отдельно взятых

²² Гришин, Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука - Москва, 1961. С. 40.

²³ Там же, С. 40

²⁴ Окладников А.П. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 1 / А. П. Окладников. Издательство Наука, 1968.

²⁵ Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. 180 с.

регионах, среди которых Красноярская и Канская лесостепи. И если период с 40-х по 80-е гг. XX вв. был связан с созданием классификаций для отдельных категорий предметов, что мы видим, к примеру, в работах Ю. С. Гришина, М. Д. Хлобыстиной, Н. Л. Членовой и др., а также разработкой проблем хронологии и периодизации памятников, то с начала 90-х гг. делает упор на накопление археологических источников, а также созданием локальных культурно-хронологических периодизаций и переосмыслением уже имеющихся данных в целом.

Одна из таких проблем – выделение так называемой красноярской культуры, вопрос о существовании которой был поставлен еще Г. Мергартом. Точка зрения о том, что в Красноярском и Канском районе сложилась местная самобытная культура была поддержана рядом исследователей, среди которых В. Г. Карцов, Л. В. Новых, Н. А. Савельев, А. А. Тимощенко, Н. П. Макаров и др.²⁶. Последний высказал мнение о существовании самобытной культуры поздней бронзы в Красноярско-Канской лесостепи, испытавшей влияние карасукоидных культур Южно-Сибирской и Западно-Сибирской культурных провинций²⁷. В своей статье «Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири» исследователь, на основе материалов Красноярско-Канской лесостепи, делает вывод о происхождении на данной территории самобытной культуры, испытывающей влияние культур «карасукского мира» Южной и Западной Сибири.

Их оппоненты не отрицают своеобразие найденных материалов, однако и не выделяют данную культурную общность в отдельную, предпочитая считать район Красноярско-Канской лесостепи ареалом некоего локального

²⁶Мандрыка П.В. Сенотрусова П.О. Красноярская археологическая культура :историография и современное состояние / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова. Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). Красноярск, 27-30 декабря 2017 г./ отв.ред. А.С.Вдовин, Н.П.Макаров, ред.кол. 2017. С.74- 81.

²⁷ Макаров Н. П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири/Н. П. Макаров. Вестник ТГУ. История. № 4 (42). 2016. С. 96.

варианта карасукской культуры, несомненно оказавшей влияние на развитие культуры населения данного региона. Этой точки зрения придерживаются Э. Р. Рыгдылон, Г. А. Максименков, Н. Л. Членова, П. В. Мандрыка.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что культура Красноярско-Канской лесостепи – выделяемая исследователями как красноярская археологическая культура, либо рассматриваемая локальным вариантом культуры карасукской, имеет ряд собственных, уникальных черт, несмотря на несомненное влияние племен, являющихся носителями других культурных традиций. В данном исследовании мы будем отталкиваться от культуры карасукской, как основополагающей для данной территории. В следующей главе мы рассмотрим историю ее изучения на территории Красноярско-Канской лесостепи.

1.1. История изучения керамики карасукоидного облика Красноярско-Канского лесостепного района

Карасукская культура чаще всего рассматривается через изучение медно-бронзовых изделий, в этой же главе мы уделим небольшое внимание гончарной традиции данной культуры, а вернее сказать, культурной общности и также рассмотрим внешнее влияние на ее становление и развитие. Керамика является одним из самых важных элементов археологической культуры и ее наиболее надежный признак. Практически во всех погребениях мы можем встретить керамические посуды с пищей, но что более важно – глиняная посуда создавалась именно там, где позже была распространена – в отличие от изделий из бронзы, которые могли быть завезены из соседних областей. Орнамент на таких изделиях также сохраняется в течении долгого времени согласно существовавшей традиции, характерной для каждого из многих районов распространения. Потому часто в рамках одной культуры мы можем видеть несколько различную керамику. В этом отношении карасукская посуда очень своеобразна и неоднородна как по форме, так и по имеющемуся орнаменту – узелковому, ямочному, елочному. Перед исследователями стояла задача не только выделить характерные особенности гончарной посуды, относящейся к карасукской культурной общности, но и проследить ее корни. Отдельное внимание исследователей было уделено классификации накопленного керамического материала.

Как уже было сказано выше, в начале XX в. С. А. Теплоуховым выделяется карасукская культура, получившая свое название по р. Карасук в Новосибирской области, по берегам которой у села Батени исследователь изучил 38 могил. На основе этих работ С. А. Теплоухов делает вывод о сходстве обнаруженных памятников с погребениями андроновской культуры, а также отмечает близость керамики Енисея с той, что была обнаружена в результате раскопок под г. Бийском и Томском. Ранее были проведены

раскопки А. В. Адриановым в Минусинской котловине (р. Туба под Минусинском), где исследователем были обнаружены погребения в форме каменных ящиков. Через 20 лет, в 1914, похожие могилы раскопал А. Я. Тугаринов, которые были отнесены по месту раскопок в с. Лугавское к лугавской культуре. В 1924 его результаты публикует Г. Мергарт, отмечая крайние различие между конструкцией лугавских могил, а также формой и орнаментацией обнаруженных сосудов с теми, что были найдены А. В. Адриановым.

В 1949 г. в своем труде «Древняя история Южной Сибири» (1949) С. В. Киселев говорил о контактах карасукцев Красноярско-Канской лесостепи с андроновским населением, объясняя этот факт наличием среди материала, относимого к карасукской культуре, керамики по форме и орнаментации содержащей черты афанасьевской и андроновской культур, а также отмечал влияние Китая²⁸. Также, работая во главе Монгольской экспедиции (1948–1949 гг.), С. В. Киселев подтверждает свою гипотезу о происхождении карасукской и забайкальской культуры гробниц с культурами племен Центральной Азии, отмечая большое влияние сейминско-турбинской металлургической провинции.²⁹

В ходе своих работ на р. Абакан (улус Федоров) А. Н. Липский также обнаружил керамику, схожую по типу с лугавскими образцами. В дальнейшем исследователем был сделан вывод о сохранении афанасьевской традиции в изготовлении керамики (и окуневской в изготовлении ножей). Большой вклад в развитие карасукской культуры внесла работа Красноярской экспедиции, в ходе которой было исследовано более 1000 могил на 3 из 30 раскапываемых могильниках. Были обнаружены как типичные карасукские погребения, так и те, что своими чертами больше

²⁸ Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. С. 51.

²⁹ Новгородова Э.А. Центральная азия и карасукская проблема / Э. А. Новгородова . Отв. ред. Л. Р. Кызласов. — М.: Наука, 1970.С .14.

напоминают лугавские. Они вскоре выделяются М. П. Грязновым как каменоложские – конструкция и погребальный обряд, а также сходство керамики дало повод говорить о каменоложской группе как о позднем периоде развития карасукской культуры. Также были датированы и лугавские погребения. Периодизация М. П. Грязнова принята большинством исследователей, так как отражает переход от карасукской к тагарской культуре – в последней получает свое развитие погребальный обряд и керамика.

Первую серьезную классификацию керамики карасукоидного облика предложила Э. А. Новгородова. На основании собственного анализа ей было выделено 8 типов сосудов – 4 для классического и 4 для каменоложного этапа. За основу типологии Э. А. Новгородовой было взято соотношение размеров (отношение высоты сосуда к наибольшему диаметру/ к диаметру венчика, формы и диаметра доньшка), а также имеющаяся орнаментация и форма сосуда. Данная классификация распространения не получила – критикуя данную типологию исследователи отмечают крайне размытые границы между типами, отсутствие четкого описания типов, а также тот факт, что выбранные критерии никак не отражают процесс развития форм и орнаментации сосудов.

Следующим свою классификацию предложил Л. П. Зяблин, игнорируя подразделение по формам сосуда и опираясь исключительно на орнаментацию. Свой подход он использовал для анализа материала могильника Малые Копены III, выделив девять типов посуды по мере усложнения орнамента. Однако, по собственному замечанию автора труда, данный подход применим лишь в данном конкретном случае, ведь в других комплексах могут встречаться иные виды орнамента.³⁰

³⁰ Поляков А.В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников) / А. В. Поляков. автореф. дис. . канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2006 . С. 5-6.

Возвращается к классификации по форме сосуда Г. А. Максименков, выбирая основными признаками форму дна и наличие уступа. Типология по орнаменту в классификации исследователя также имеет место быть – она во многом повторяет предложенную Л. П. Зяблиным. Г. А. Максименков критикует своих предшественников, по сути, объединяя их видение классификации сосудов. Однако два этих способа типологии автором не согласуются и только по раздельности дают наилучшие результаты.

Новая типология была предложена А. В. Поляковым – она опирается как на формообразующие, так и на орнаментальные признаки и является результатом анализа свыше 1300 сосудов. Всего А. В. Поляков выделяет восемь типов, главный признак разделения – способ оформления шейки сосуда, притом для анализа рассматривается как формообразующий элемент, так и орнаментальный.³¹ Также исследователем выделена классификация погребальных сооружений. Выделение исследователем хронологических этапов культуры также связано с культурными параллелями (I этапа – с андроновской, II – с каменноложским этапом) .

Что касается Красноярско-Канской лесостепи, по-прежнему можно говорить об отсутствии на данной территории чисто керамических комплексов. Данная территория являлась зоной постоянных культурных контактов таежного и степного населения – в особенности культурных традиций Западной и Восточной Сибири (последние преобладают), а также сильное влияние культуры таежных регионов Приангарья. Причем влияние это для территорий Красноярской и Канской лесостепи различно, что связано с их географическим положением, а потому и керамика в данных районах разнотипна, из-за чего на данный момент невозможна единая культурно-хронологическая периодизация..

В завершении мы можем говорить о том, что развитие гончарного ремесла карасукцев, проживающих на территории Красноярско-канской

³¹ Там же. С. 10.

лесостепи как ни что другое может говорить о развитых культурных контактах между населением различных племен. Мы можем говорить о том, что в период позднего бронзового века лесостепи, когда, собственно, происходят контакты между племенами карасукцев с единовременно живущими племенами, происходит взаимообмен между носителями разных культур - как теми, кто в конечном итоге способствует формирование местной культуры, так и теми, кто после получает ее развитие за счет ее плодов. Что касается развития классификаций керамической посуды, то здесь мы можем говорить лишь о постепенном становлении рациональной типологии изделий.

1.2. История изучения бронзовых изделий карасукской культуры в Красноярско-Канской лесостепи

Прежде чем приступить к изучению межкультурных связей на территории Красноярско-Канской лесостепи в позднем бронзовом веке, необходимо рассмотреть историю исследования этого района и в частности материалы, относимые к карасукской культуре, ведь именно ее влияние на этой территории преобладало и из ее локального этапа в начале XX в. была выделена красная культура.

В ареал распространения карасукской культуры исследователи обычно включают территорию Южной Сибири и Казахстана – от Саян и Алтая до Аральского моря. Интересны и точки зрения на предмет развития карасукской культуры: по одной из версий (Э. А. Новгородова), племена карасукцев смешались с лугавцами (потомками афанасьевцев), а затем с племенами андроновцев, которыми были ассимилированы сами. По мнению Н. Л. Членовой, пришлые карасукцы жили одновременно с потомками афанасьевцев-окуневцев, а затем взаимоассимилировались. Исследователь также отмечает пришлый характер карасукской культуры – по ее мнению карасукцы пришли с территории Ближнего востока. Пришлый характер карасукской культуры отмечают и исследователи С. В. Киселев, Э. А. Новгородова, Г. В. Дебец и другие – по их мнению районом возникновения культуры были центрально-азиатские степи и территория северо-западного Китая. Аборигенный характер происхождения карасукцев отмечают исследователи М. Л. Грязнов, Г. А. Максименков, Зиеп Динь Хоа и др., говоря о преемственности андроновской культуры. Также отмечаются южные и центрально-азиатские компоненты в карасукской культуре, что дает основание считать ее происхождение смешанным. Именно в этот период на Енисее появляются бронзовые изделия, близкие как к образцам из Западной Сибири, так и с территории Монголии.

А. В. Поляков в своей работе «Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников)»³² отвечает на вопрос о происхождении карасукской культуры через ее погребальные традиции. Автор выделяет три главные составляющие, соотнося погребальный обряд с алакульскими памятниками Казахстана (по форме сосуда и конструкции погребения), федоровской традицией (также конструкция погребений – круглые ограды, внутри которых одна или несколько могил) и еловской культуры (сходство части сосудов с керамикой еловских могильников). На первом этапе формирования карасукская культура отходит от андроновской и формирует собственную уникальную культурную традицию, выраженную в том числе в керамическом производстве. На втором этапе происходит унификация и стандартизация погребального обряда, исчезают ограды круглой формы, уменьшается число пристроек. Также, в отдельных регионах, на этом этапе заметно влияние окуневской культуры и культурных общностей юго-западного направления (Китай, Монголия). На третьем этапе происходит существенное изменение погребальной традиции и формирование каменноложского этапа.

Первые сведения о памятниках карасукской культуры мы имеем из дневников И. Г. Гмелина, работавшего еще в XVIII веке. Он обнаружил первые погребения с каменными оградками и назвал их «творильными ямами», исходя из сходства их с ямами для гашения извести.

В 70-е гг. XIX века интерес к сибирской археологии возрастает, идет процесс накопления подъемного материала и его первичного осмысления. С возрастанием интереса к археологическим исследованиям появляются и первые коллекционеры, в чьих собраниях хранились материалы проводимых раскопок. Самыми известными и богатыми были коллекции Н. М. Мартянова и И. А. Лопатина.

³² Поляков А.В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников) / А.В. Поляков. автореф. дис. . канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 21.

В этот же период появляются первые классификации погребений – здесь можно выделить исследователей Д. А. Клеменца и В. В. Радлова, которые провели классификацию минусинских курганов, а также Ф. Мартина и И. П. Кузнецова-Красноярского. Последним в 1884 у с. Аскиз были проведены первые раскопки (17 могил) и у с. Синявино (6 могил) в 1907. А ровно через 10 лет (1894) Т. А. Теплоуховым выделяется отдельная карасукская культура, им же дается ее характеристика, проводятся раскопки у с. Батени на р. Карасук (38 могил). В 1914 у села Лугавское проведены раскопки А. Я. Тугариновым, исследовано 5 могил.³³

Первым, кто обратил внимание на характерные признаки изделий из металла, обнаруженных на территории Красноярско-Канской лесостепи, был Геро фон Мергарт, числившийся в 20-е гг. XX вв. сотрудником Красноярского музея. Он занялся изучением сибирских коллекций, куда бронзовые изделия попадали чаще всего из случайных находок, а в последствии выделил ряд предметов, относящихся к бронзовому веку. Среди них были: безушковые кельты с геометрическим орнаментом, кинжалы с неразвитым перекрестием (красноярского типа), а также двулезвийные изогнутые ножи. Особенности этих изделий позволили австрийскому ученому выделить «красноярскую культуру», охватывающую лесостепные районы Красноярска и Канска.

В 1928 гг. В. Г. Карцов проводит раскопки уже известных памятников Красноярско-Канской лесостепи, среди которых многослойные стоянки Ермолаевская, Ладейская, Усть-Собакинская, где часть памятников также относилась к эпохе поздней бронзы³⁴. В. Г. Карцов также выделяет новую культурную общность как «красноярскую культурную область», делая акцент ее местном происхождении, но при постоянных контактах с

³³Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. 180 с.

³⁴Карцов, В.Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов. Государственный музей Приенисейского края. Красноярск, 1929. С. 20-21.

культурами Минусинской котловины и Забайкалья³⁵. Что касается окончания «красноярской культуры» (также мы можем рассматривать ее как карасукскую), то здесь исследователь связывает ее с проникновением тагарской культуры и распространением изделий из железа.³⁶

Вывод о наличии тесных культурных связей между племенами Красноярско-Канской лесостепи и таежными племенами Восточной Сибири сделал А. П. Окладников, в дальнейшем среди исследователей устает мнение о вхождении Красноярско-Канского региона в ангаро-байкальскую общность.

Следующий этап в изучении эпохи поздней бронзы – раннего железного века Красноярско-Канской лесостепи приходится на 50-80 – е гг. XX столетия. Несмотря на то, что количество памятников для этого региона сильно не увеличилось, общее понимание культурно-исторического процесса претерпело значительные изменения. Связано это в первую очередь с тем, что к началу 60-х гг. для сопредельных территорий с Красноярско-Ангарским регионом, а именно, для Минусинской котловины, Прибайкалья и Забайкалья, появились первые обобщающие работы с разработанной периодизацией археологических культур как периода бронзового века, так и раннежелезного века.

Однако в 1943 г. на Ладейском поле было обнаружено грунтовое погребение с богатым бронзовым инвентарем (бронзовый коленчатый нож, ложноушковый кельт, шило с зооморфным навершием). Это было первое погребение, после раскопанного И. Т. Савенковым в XIX веке, относимым к позднебронзовому веку. На основе этого материала, а также серии случайных находок карасукских бронз (предметы с Ладеек также были отнесены к карасукской культуре), Э. Р. Рыгдылон сделал вывод о существовании на территории Красноярско-Канской лесостепи отдельной группы карасукских

³⁵ Карцов, В.Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов. Государственный музей Приенисейского края. Красноярск, 1929. С.21.

³⁶ Там же, С. 26.

племен, близких к проживающим в Минусинской котловине, однако и имеющих свои отличительные черты. Среди таких черт исследователь выделял особенности погребального обряда, обязательной частью которого было погребение, состоящее из нескольких каменных плит, каменной ограды и курганной насыпи.³⁷

Сам погребальный обряд карасукцев был описан Э. Б. Вадецкой³⁸, его отличительной особенностью, исходя из вышесказанного, были необычного вида погребения – каменные ящики из тонких плит, залегавшие на глубине менее одного метра, как прямоугольной, так и трапециевидной формы (стенки расширяются к изголовью). Ориентированы могилы были, как правило, с запада на восток или юго-запада на северо-восток. Сверху закрывались одной или двумя большими плитами. Такие погребения могли быть расположены как на возвышенностях, так и на равнинной местности, как вблизи водоемов, так и вдали от рек и озер. Преобладающее число погребений расположено в Минусинской котловине, обратная ситуация по территории Ачинской лесостепи. Могильники включали в себя несколько погребений (небольшие - от 10 до нескольких десятков, крупные – 100 или несколько сотен), разделенные оградами, внутри которых располагалась одна, реже две могилы. Детские ограды пристраивались к большим оградкам с могилами взрослых.

В одной могиле хоронили одного человека, захоронение производилось в любое время года. Покойного укладывали вдоль северо-западной стенки ящика в вытянутом положении на спине или левом боку со слегка согнутыми в коленях ногами. В северных и центральных могильниках голова покойника направлена на восток / северо-восток, в южных на запад/северо-запад. Слева у головы ставили один-два сосуда с напитками, обязательно клали мясо

³⁷ Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска / Э. Р. Рыгдылон . КСИИМК. Вып. 60. 1955. С. 129-134.

³⁸ Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986.С. 53-55.

(кости не дробились, туши разделялись) на деревянном подносе. В зависимости от положения в обществе это могла быть конина, говядина или баранина, но строго определенные части – лопатка, бедро, ребро или большая берцовая кость. Помимо костей животных в могиле нередко можно было встретить конец лезвия ножа (сложнее целый нож). Хоронили в одежде и с большим количеством украшений, украшали волосы, шею, руки, уши, пальцы, нагрудники, обувь. При похоронах устраивали тризны, остатки заколотых и съеденных животных также клали в особых местах кладбища. В каменоложский период конструкции могилно разнообразнее карасукских – помимо каменных ящиков встречаются ямы и срубы.

Отдельное внимание Э. Б. Вадецкой было уделено вопросам изготовления оружия, выведена классификация. Зиеп Динь Хоа также выделяет классификацию бронзовых ножей, разделяя их на 3 группы – по типам навершия, перехода в клинок и видом орнамента, сечению рукоятки и клинка.

Вопросами классификации бронзовых изделий (в частности ножей) также занимался исследователь А. Н. Липский³⁹, выделивший коленчатые, изогнутые хвостатые и коленчато-вкладышевые ножи. Он провел многочисленные раскопки на левых притоках р.Абакан и в г.Абакан, где исследователем были обнаружены различные виды бронзовых изделий – ножи (в том числе с рукоятью зооморфного вида), лапчатые подвески, нашивки, пронизки, пуговицы, бляшки и кельт. Первый серьезный анализ бронзовых ножей карасукского облика был сделан М. Д. Хлобыстиной – исследователь провела классификацию по степени изогнутости, а также сделала предположение насчет развития форм с малыми и большими углами. Собственно, она выделила ранние (самые изогнутые ножи: ложесоставные, коленчатые) и поздние (слабо изогнутые либо почти прямые ножи).

³⁹Липский, А.Н. Карасукские погребения (1200-700 лет до н.э) в г.Абакане / А. Н. Липский // Краеведческий сборник. 1956. №1. 158 с.

Характерными чертами периода, начавшегося в середине XX века, являются рассмотрение вопросов существования локальных вариантов культуры, а также хозяйственно-бытового уклада карасукцев, затронутых М. П. Грязновым. Также проводятся аналогии металлургических центров Сибири и Китая.

О контактах карасукцев с тагарским и не только населением говорит Ю. С. Гришин, упоминая найденные в районе Красноярска бронзовые изделия (ножи и кинжалы), имеющие черты казахстанского, забайкальского и минусинского типов. Эти контакты послужили основанием для создания местных форм, не лишенных, однако, черт первоначального изделия. Это коленчатые и вогнутообушковые ножи, имитирующие казахские, или кинжалы, найденные в районе Канска и имеющие черты изделий забайкальского типа. Типичные для лесостепи бронзовые изделия, найденные на других территориях (Прибайкалье, Забайкалье) также говорит о контактах карасукцев с другими племенами.

Вопросам происхождения бронзовых изделий посвящена глава монографии уже упомянутой выше Э. А. Новгородовой⁴⁰, материалом исследования которой послужили многочисленные предметы как карасукского типа, так и орудия труда и оружия контактировавших с карасукцами населения другой культурной и территориальной принадлежности.

Большое внимание Красноярско-Канскому лесостепному району уделяет в своих исследованиях Н. Л. Членова, обозначая его как один из ареалов расселения карасукских племен. Этот район отделен от всех предыдущих таежными лесами, что поспособствовало некоторой обособленности в развитии данной территории. Этот же район, по мнению Н. Л. Членовой, содержит наименьшее количество находок.⁴¹ Однако он был

⁴⁰Новгородова Э.А. Центральная азия и карасукская проблема / Э. А. Новгорова . М.: Наука, 1970. 202 с.

⁴¹ Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи / Н. Л. Членова . М.: Наука, 1972. С. 73.

хорошо освоен карасукским населением, заселение которого началось в XIII – XI веке до н.э. По большому количеству обнаруженных кинжалов (Частоостровское, Коркино, Свищево), Н. Л. Членова делает вывод о постоянных военных конфликтах карасукцев с прочим населением – местным или пришлым. К последним Н. Л. Членова относит тагарцев, однако отмечает тот факт, что в районе Красноярска тагарских памятников практически нет.⁴²

Также на этом этапе исследований, приходящимся на 1950–1980-е гг., появляются первые обобщающие работы с разработанной периодизацией археологических культур бронзового и железного веков. Охватываются сопредельные Красноярско-Канской лесостепи территории - Минусинская котловина, Прибайкалье и Забайкалье и т.д.

Меньшее внимание уделено исследованиям Канской лесостепи, однако именно эта территория занимает наибольшую площадь в рамках выделяемого района. Здесь располагается Канско-Рыбинская котловина – район, занимающий определенное место в трудах по археологии данного региона. Здесь, по мнению исследователей, на этапе поздней бронзы (кон. II тыс. до н. э. — VIII в. до н. э) формировалась красноярская культура.

Канская лесостепь также является восточной частью Красноярского района. Ее территория расположена в пределах лесостепи и примыкающих к ней подтаежных территорий. Сильно расчлененный рельеф предгорий Восточных Саян постепенно переходит в холмисто-увалистую равнину Предсаянского прогиба, который на севере смыкается со Средне-Сибирским плоскогорьем. Плодородные почвы (черноземы и серые лесные) издавна используются здесь под земледелие; оно все дальше распространяется на север и в предгорья.

На настоящий момент по-прежнему существует проблема характеристики культуры на территории Канско-Рыбинской котловины

⁴² Там же, С. 81-82.

ввиду немногочисленного числа обнаруженного материала, выраженное в отсутствие выявленных на данной территории могильников и курганов. По-прежнему сохраняется мнение об одновременном развитии красноярской культуры с культурами Прибайкалья и Минусинской котловины.

Территория Канской лесостепи и к концу XX в. оставалась «белым пятном» для археологов, памятников на этой территории было найдено не так много. Однако после исследований в данном регионе А. Г. Генералова, Н. И. Дроздова, Н. П. Макарова, П. В. Мандрыки, Л. В. Новых, В. А. Погудина, Н. А. Савельева и других иркутских археологов, проводящих в том числе работы на Енисее, были выявленные большие площади ранее неизвестных памятников и погребальных комплексов. Материал с этих стоянок, очень часто многослойных, оказался трудносопоставимым с накопленными ранее данными, однако, количественно возрос в разы.

Равно как и Красноярский лесостепной район, Канская лесостепь долгое время считалось отсталым регионом, а мнение, что племена, населяющие данную территорию, значительно уступали в развитии своим более развитым соседям особенно не ставилось под сомнение. Однако после исследований Г. А. Максименкова в конце 1950-х гг. XX вв. эта концепция уходит в прошлое, а сам Г. А. Максименков заявляет о существовании на территории Канской лесостепи особого варианта карасукской культуры и выросшей на ее основе культуры поздней бронзы, синхронной тагарской⁴³. Исследователь не проводит прямых аналогий между прибайкальскими и енисейскими материалами, указывая на некоторое своеобразие последних. Однако на основе периодизации прибайкальского неолита был высчитан возраст обнаруженных комплексов, что уже говорило о связях между двумя культурными общностями.

⁴³Тимощенко А. А., Бочарова Е. Н. К проблеме археологии каменного века и эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины (историографический аспект). А. А. Тимощенко, Е. Н. Бочарова. Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры Издательство: Иркутский государственный университет. Иркутск. 2017. С. 232.

В 2011 году Е. В. Князевой были описаны первые погребения на стоянке Нефтепровод-2 – одного из многих объектов, входящих в Анжевский комплекс археологических памятников. Анжевский комплекс был открыт в 1972 году Н. А. Савельевым на правом берегу р.Кан, юго-восточнее г. Канска. Было обнаружено 22 разновременных археологических объекта, которые, однако, не были признаны перспективными для проведения стационарных работ. Однако уже в наше время исследования продолжились – на сегодняшний день обнаружено 29 погребений, находящихся во временном промежутке от неолита до средневековья, при том, что до исследования Анжевского комплекса было известно всего 15 погребений на территории всей Канско-Рыбинской котловины. 16 погребений разновременного могильника исследователи предварительно относят к красноярской культуре, датируя периодом поздней бронзы (Нефтепровод-1, Нефтепровод-2).⁴⁴ Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми и медными предметами, среди которых уникальная находка из 3100 бусин в погребении Нефтепровод-2. Подобных погребений известно 2 в Канской лесостепи (Попиха, Гурьев Лог). Аналогичные погребальные комплексы встречаются в Красноярской лесостепи (Базаиха, Ладейки, Усть-Мана, Дрокино-2), в связи с этим рассматриваемые погребения Анжеровского комплекса также датируются периодом поздней бронзы. На сегодняшний день Анжеровский могильник является самым крупным из известных в Канской лесостепи (Попиха, Зеленогорский могильник).

Материалам стоянки Нефтепровод-2 Анжевского комплекса археологических памятников посвящена работа исследователей П. В. Мандрыки и П. О. Сенотрусовой⁴⁵. Помимо бронзовых изделий,

⁴⁴Тимошенко А.А., Савельев Н.А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины : Современное состояние проблемы / А. А. Тимошенко. Н. А. Савельев. Вестник Новосибирского государственного университета №5 .2013.С. 19- 27.

⁴⁵ Мандрыка П.В. Сенотрусова П.О. Красноярская археологическая культура : историография и современное состояние / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова. Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения

включающих в себя также обломок пластины, плоские лапчатые подвески, пронизки (трубчатая и состоящая из бусин), в перечень материалов, хронологически относящихся к эпохе бронзы, исследователями обнаружены два обломка литейных форм, на одном из которых сохранились выемки для отливки лезвий двух ножей. Найденные материалы исследователи относят к красноярской археологической культуре, отмечая характерный тип бронзовых изделий, широко распространенных в степных и лесостепных районах Евразии, а также керамические сосуды, имеющий ряд характерных черт карасукской культуры.

В красноярском и канском районах найдено большое количество карасукских кинжалов, ножей, копий, кельтов и других материалов из бронзы, многие из которых найдены в составе кладов (Есаульский, Зыковский, Торгашинский, Новопятницкий). Материалам Новопятницкого клада несколько работ посвятил Н. П. Макаров, акцентировав внимание на типологии бронзовых кельтов. Выделяет кельты как яркую черту карасукского времени и Г. А. Максименков, говоря о том, что бронзовые кельты лесостепной полосы отличаются по форме и орнаментации, но также и имеют общие черты с кельтами других территорий, что говорит о развитых культурных связях. Проведя анализ бронзовых изделий карасукской и тагарской культур, исследователь приходит к выводу, что значительная часть вещей с Красноярско-Канской лесостепи не имеет аналогов в памятниках тагарской культуры Минусинских степей. Это также свидетельствует о культурных различиях лесостепи и степной полосы.

Теме бронзовых кельтов посвящена статья Н. П. Макарова⁴⁶, где также поднимается вопрос о культурной принадлежности данных материалов.

ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). Красноярск, 27-30 декабря 2017 г./ отв.ред. А.С.Вдовин, Н.П.Макаров, ред.кол. 2017. С. 74- 81.

⁴⁶ Макаров, Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа / Н.П. Макаров. Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Издательство Аграф-Пресс. Томск, 2010. С. 195-197.

Исследователь рассматривает большое количество бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа и делает вывод об ошибочности первоначальной их периодизации, относя появление данных материалов к раннему этапу тагарской культуры. В другой статье⁴⁷ Н. П. Макаров также не относит рассматриваемые им бронзовые кельты с различных стоянок Красноярско-Канской лесостепи к карасукской лесостепи, однако отмечает несомненное влияние карасукоидных культур (см. Приложение 1). Об этом, по мнению исследователя, говорит тот факт, что обнаруженные захоронения не имеют вид каменных ящиков.

Что касается критериев выделения карасукской культуры, а также ее происхождения, то и на настоящее время не существует четких границ в этом вопросе. С. В. Хаврин в своей статье «Карасукская проблема?»⁴⁸ первостепенно отмечает тот факт, что практически ни по одному вопросу касательно карасукской культуры у исследователей нет единого мнения, а сама культура охватывает огромную территорию, однако ее отличительные особенности порой не точны и часто отличаются друг от друга в зависимости от территориальной принадлежности того или иного памятника, относимого исследователями к культурам «карасукского мира»⁴⁸.

В статье довольно большое внимание уделяется различным типам бронзовых изделий карасукского облика - кинжалам, ножам и бронзовым украшениям. Остановившись на том или ином типе, исследователь критикует своих коллег, которые ошибочно, по его мнению, определили культурную принадлежность того или иного предмета. Различные точки зрения так или иначе будут существовать всегда, однако пока существуют подобные «археологические парадоксы» вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

⁴⁷ Макаров, Н.П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири / Н. П. Макаров. Вестник ТГУ. История. № 4(42) . 2016. С. 94-97.

⁴⁸ Хаврин С.В. Карасукская проблема? / С. В. Хаврин // Петербургский археологический вестник. Выпуск 8.1994.С. 104-113.

Что касается общих выводов по развитию карасукской культуры на территории лесостепи и культур поздней бронзы в целом, мы по-прежнему можем говорить о слабой освещенности данной темы в литературе ввиду ее слабой изученности, что также является следствием небольшого количества найденных материалов и их качества.

2. Сравнительный анализ археологического материала Красноярско-Канской лесостепи

Красноярско-Канская лесостепь обращает на себя внимание исследователей вот уже более ста лет. В отличие от периода ранней бронзы, который в лесостепи прослеживается довольно слабо, материалов карасукского времени, относящихся к позднебронзовому времени хоть и не так много, но достаточно для проведения некоторого типологического анализа и выделения общих и различных черт для предметов одной группы. Первым делом нами будут рассмотрены материалы из металла, в данном случае бронзы. Бронзовые изделия карасукоидного облика для Красноярско-Канской лесостепи представлены серией кинжалов, ножей и кельтов, а также различного рода бронзовых украшений.

Рассмотрение большого количества материала, в данном случае бронзовых изделий, обнаруженных в результате работ на территории Красноярско-Канской лесостепи, следует производить по отдельным категориям, т.е. по функциональному назначению (ножи, кельты, кинжалы и т.д.) по возможности подразделяя их на типы. Это позволит более детально изучить данный материал и даст возможность для подробного изучения особенностей отдельных изделий в сравнении с похожими по типу предметами. В данной главе мы рассмотрим три вида бронзовых изделий, для которых наиболее ярко прослеживаются характерные особенности – ножи, кинжалы и кельты, обделив вниманием другие виды орудий труда и хозяйства, а также металлические украшения.

2.1.Бронзовые кельты.

Из всех вещей карасукского времени в первую очередь обращают на себя внимание кельты, отличительные признаки которых послужили основанием для выделения в Красноярско-Канской лесостепи отдельной

культурной общности. Ряд исследователей (Г. Мергарт, Г. А. Максименков, Н. П. Макаров и др.) акцентируют внимание на том, что бронзовые кельты лесостепной полосы имеют несколько иную форму по сравнению с аналогичными предметами других районов. Отличительной особенностью данных изделий является также орнаментация. Кельты служили орудием деревообработки и, вполне возможно, почвообработки, несомненно играли важную роль в жизни карасукцев. На сегодняшний день эта категория вещей представляет собой довольно обширную коллекцию.

По особенностям строения кельты можно разделить на две группы: клиновидные кельты и ассиметричные кельты-тесла (с желобом)⁴⁹. Кельты первой группы подразделяются между собой по следующим признакам : форма и устройство втульчатой части, отсутствие или наличие орнамента (крупноваликового / мелковаликового). Также выделяются восточные и западные (западносибирские и сейминско-турбинского типа). В приложении представлен кельт сейминско-турбинского типа Красноярско-Канского района (см. Приложение 12). Он имеет вытянутую симметричную форму, в нижней части втулки располагается отверстие для рукояти. По мнению Ю. С. Гришина⁵⁰, кельты подобного типа предшествовали красноярско-ангарским, рассматриваемые, к примеру, красноярским исследователем Н. П. Макаровым. Кельты красноярско-ангарского типа, впервые выделенные Г. Мергартом, относятся к позднему этапу карасукской культуры, а также охватывают период распространения уже тагарской культуры. Также мы можем заметить, что кельт из Красноярско-Канского лесостепного района имеет несколько иную форму, нежели клиновидный кельт, обнаруженный А. Н. Липским на территории Минусинской котловины (см. Приложение 7). Несмотря на меньшую сохранность, в абаканском кельте

⁴⁹ Гришин, Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука. Москва, 1961 – С. 20.

⁵⁰ Там же, С. 20

просматривается более прямая форма острия, нежели у кельта сейминско-турбинского типа, расширяющемуся книзу.

Среди аналогий кельту сейминско-турбинского типа, найденном в Красноярско-Канском районе (см. Приложение 12) можно выделить бронзовые изделия, найденные также на территории Красноярска (Усть-Собакино), а также в Алтайской области (с. Николаевка), под Екатеринбургом (Шайтанское озеро II), в Кемеровской области (Мундыбаш-1 у р. Кондомы) и т. д. Некоторые из них имеют характерный зигзаго-треугольный орнамент. Исследователи И. В. Ковтун и А. Г. Марочкин, проводя сравнительный анализ вышеперечисленных материалов с найденным в Кемеровской области (Арчекас) бронзовым кельтом, также выделяют ромбический и решеточный орнамент.⁵¹

Огромная работа по изучению бронзовых кельтов Красноярско-ангарских типов была проделана Г. А. Максименковым, который в своей статье не только представил богатый материал, но и представил его классификацию. Отдельное внимание исследователя уделено вопросу распространения и развития кельтов, однако это исследование ограничено территорией рассматриваемых нами Красноярской и канской лесостепей, отчего проследить инокультурное влияние довольно сложно. Сам Г. А. Максименков делает вывод о том, что происхождение рассматриваемых им кельтов (с геометрическим орнаментом) нужно искать в местных культурах карасукского времени, а не с более западных территорий, как считалось ранее⁵². Однако внимания исследователя все же удостоиваются минусинские кельты, а также говорится о культурных связях с минусинскими культурами – распространение в одних и тех же районах кельтов с геометрическим орнаментом и минусинских топоров. Так,

⁵¹ Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи. Институт экологии человека СО РАН. Кемерово. 2011. С. 69 - 76.

⁵² Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов / Г. А. Максименков. Советская археология. №1. Издательство Академии наук СССР, Москва. 1960. С. 160.

подавляющее большинство топоров минусинских форм приходится на территорию Красноярска, существование же этих двух форм изделий говорит о параллельности их развития. И те, и другие, по мнению Г. А. Максименкова, происходят от карасукских кельтов – соответственно, северных и южных.⁵³

Богатый материал бронзовых кельтов нам дает так называемый Новопятницкий клад, состоящий из 24 бронзовых изделий, среди которых 10 клинообразных кельтов.⁵⁴ Безушковых, в отличие от предыдущего экземпляра. Боковые стенки представленных кельтов несколько сужаются к лезвию, на боковых гранях проходят литейные швы. Все кельты имеют одинаковый орнамент по обоим сторонам изделия, орнамент более богат по сравнению с кельтами сейминско-турбинского типа. На широких щеках кельта тремя длинными рельефными полосками – разделителями, средняя из них спущена вертикально вниз. Под муфтой идут три горизонтальные рельефные линии. Ниже расположены небольшие треугольники высотой 3-4 мм вершинами вниз – данный орнамент полностью опоясывает кельт, включая боковые грани. Высота кельтов 9,1 см, ширина лезвия 4,9 см. Размеры втулки у верхнего края 5,8х2,6 см, глубина 7 см (см. Приложение 13.4)

Два кельта из коллекции клада отлиты в похожей, но несколько другой форме. На щеках вдоль нижнего края муфты нанесены четыре рельефных колечка (см. Приложение 13.1) Под муфтой также идут три горизонтальные рельефные линии, такие же как в предыдущих экземплярах, ниже орнамент из четырех равнобедренных треугольников, расположенных вершинами вниз, между которыми нанесены три разделителя. Высота треугольников 1,8 см. Высота кельтов составляет 9,8 см, ширина лезвия 5,2 см.

⁵³ Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов / Г. А. Максименков. Советская археология. №1. Издательство Академии наук СССР, Москва. 1960. С. 162.

⁵⁴ Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа / Н.П. Макаров. Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Издательство Аграф-Пресс. Томск, 2010.С. 196-197.

Также два кельта, представленных в коллекции клада, не имеют орнамента на втулке и рельефных линий под ней. Высота этих кельтов 9,2 см, ширина лезвия 5,4 см. На каждой стороне под муфтой ряд коротких шефронов из девяти маленьких треугольников (см. Приложение 13.3)

Материалы Новопятницкого клада, имеющие сравнительно большее сходство с кельтом, найденным под Абаканом, относятся к Канской лесостепи, еще один кельт данного района был найден под Канском (Нефтепровод-2) (см. Приложение 14.4). Он также относится к группе клиновидных кельтов, имеет орнамент в виде ряда выпуклых жемчужин, под муфтой одна горизонтальная линия, на щеках кельта – одна линия-разделитель. Н. П. Макаров относит данный кельт к типу поясковых ложноушковых кельтов, подобный тем, что были найдены в Ладейках, Дрокино и на Базаихе.⁵⁵ На всех рассматриваемых исследователем экземплярах один или два ряда выпуклых жемчужин. Однако кельт с объекта Нефтепровод-2 отличается более малыми размерами и отсутствием двух горизонтальных линий валиков, опоясывающих изделие. Бронзовые кельты подобного типа также можно встретить в работе В. Г. Карцова «Материалы к археологии Красноярского района» (см. Приложение 15). Многие из кельтов, рассматриваемых в данном труде, не были обнаружены в целости, однако тем не менее мы можем видеть сходства кельтов обнаруженных под Красноярском (Ладейки, Бирюсинская, Усть-Собакинская, Базаиха) с изделиями, рассмотренными выше. За некоторым исключением – у одного из топоров имеются ушки.

Кельты с Ладеек, Базаихи и близлежащих стоянок представлены однородной серией, изделия отличаются лишь деталями орнамента (см. Приложение 16). Для них характерна клиновидная форма – плоский

⁵⁵ Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа / Н.П. Макаров. Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Издательство Аграф-Пресс. Томск, 2010.С .95.

шестигранный клин с удлинено-овальной втулкой. Орнамент состоит из горизонтальных выпуклых линий и бугорков. Часто выступы на красноярских кельтах напоминают ушки. Распространение плоских кельтов в основном ограничивается лесостепным районом.

2.2 Бронзовые ножи.

Данный вид бронзовых изделий представлен на территории Красноярско-Канской лесостепи во всем своем многообразии. А также не страдает от недостатка классификации – типологией карасукских ножей занимались Ю. С. Гришин, М. Д. Хлобыстина, Н. Л. Членова и др. Многие исследователи именно на основе типологии карасукских ножей выстраивают хронологию карасукских памятников. Ножи представляют наиболее многочисленную категорию бронзовых изделий, широко используемых и как в быту, и как рабочий инструмент. Выделяются три группы (по отсутствию или наличию черенка/рукояти) – соответственно, бесчеренковые, черенковые и рукояточные⁵⁶.

В свою очередь, ножи классифицируются и по другим признакам. Ножи, которые имеют двустороннее лезвие называются двулезвийными, а ножи, не имеющие этого признака – однолезвийные. Двулезвийные подразделяются на прямые, изогнутые и прямые с изогнутым в плоскости клинком. Прямые ножи в свою очередь бывают бесчеренковыми (также именуемыми листовидными) и черенковые. Примером двулезвийных ножей служат бронзовые изделия, найденные на территории Красноярско-Канского района (см. Приложение 17). Первый и третий нож данной группы по классификации Ю. С. Гришина являются черенковыми ножами. Ножи данной группы существуют трех типов. Черенковые ножи III типа

⁵⁶ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука. Москва, 1961. С 11-17.

характеризуются особого вида черенков, представляющих из себя несколько сужающийся клинок без выделенных плечиков (см. Приложение 17.3). Второе изделие представляет из себя бронзовый черенковый нож II типа, характерной особенностью которого является короткий и широкий черенок. Эти ножи имеют длинный массивный изогнутый клинок (см. Приложение 17.1). Второй нож относится к I типу, имеющий узкий черенок. Они отличаются большой массивностью изогнутого клинка. Черенковые ножи также особенно распространены в Минусинской котловине и Омской области.

Характерным примером однолезвийного ножа может послужить, к примеру, бронзовый нож, найденный в Канско-Рыбинской котловине в месторождении Попиха (см. Приложение 20). Идентичные по форме и составу металла ножи найдены на стоянке Нефтепровод-2 Анжевского комплекса под Канском. В погребении №2 обнаружен бронзовый нож с прямым лезвием и обушком (см. Приложение 22.1), в погребении №4 – бронзовый нож с прямой спинкой и дугообразным лезвием, прямо сужающимся к острию (см. Приложение 22.2). В погребении №10 стоянки Нефтепровод-1 – однолезвийный бронзовый нож с прямой спинкой (см. Приложение 22.3), в том же погребении располагалась бронзовая пластина (см. Приложение 22.4). Подобные изделия можно встретить в погребениях Красноярской лесостепи : Базаиха, Ладейки, Усть-Мана и Дрокино-2, отнесенных к Красноярской культуре.

Другой разновидностью однолезвийного ножа служат коленчатые вкладышевые ножи. Один из таких ножей найден на памятнике Сосны-1 П. В. Мандрыкой на территории современного Красноярска. Одной из характерных особенностей данного ножа является черешковый насад, который пяткой отделяется от однолезвийного ножа. Спинка лезвия ножа имеет изогнутую форму. Нож заточен с обеих сторон, судя по внешнему состоянию, использовался в работе. Размеры изделия составляют 1,7х8х0,3 см (см. Приложение 22.2)

Кольчатый выпуклообушковый нож (также со стоянки Сосны-1) представлен двумя обломками рукояти, украшенной орнаментом. На кольце нанесены насечки, располагающиеся симметрично относительно друг друга группами по четыре насечки. Также с обеих сторон рукояти имеются мелкие желобки. Длина обломка ножа 11 при длине рукояти 8 см, толщина изделия – 0,7 см (см. Приложение 22.1).

В отдельную группу выделяют рукояточные ножи (карасукское время), которые по общей форме являются коленчатыми, вогнуто-обушковыми, дугообразными и прямыми. Они имеют, как правило, уступ или шип от рукояти к клинку. Часто края рукояти и обух окаймлены валиками или на них имеется желоб. Нередко ножи данной группы очень массивны. В этом контексте мы рассмотрим желобчато-прорезной нож казахстанского типа. У красноярского экземпляра (см. Приложение 18) рукоять несколько расширена в середине, в отличие, например, от новосибирского и алтайского. Рукояти всех этих ножей имеют желобчатый или прорезной вид (оттого название подтипа) и клинок дугообразной формы с округленными окончаниями. Изредка встречаются рукояти с дырчатым отверстием.

Также в Красноярко-Канской лесостепи обнаружены бронзовые изделия, относимые к валиковым ножам. Названы они так по валиковому навершию на рукояти. Экземпляры с Красноярко-Канского района, равно как и родственный им алтайский тип, имеют вид дугообразных обушковых ножей (см. Приложение 19.1)

Отдельное место в данной категории бронзовых изделий занимают фигурные ножи, отличающиеся от всех прочих карасукских ножей навершием в виде головы животного. Часто украшаются выпуклым и углубленным орнаментом. В Красноярко-Канском районе встречаются коленчатые и вогнутообушковые формы, рассмотренные выше, с уступчатым или шипастым переходом в клинок. На рассматриваемых нами экземплярах (см. Приложение 19.2-3) изображения на рукояти довольно схематичны, как это нередко бывает, и, несмотря на то, что данные изделия относят к

фигурному типу, само изображение угадывается довольно сложно. Ярким примером служат подобные ножи Минусинской котловины, рукояти которых в этом отношении имеют более сложные навершия, что, несомненно, требовало куда больше усилия при отливке (см. Приложение 6, 23)

2.3.Бронзовые кинжалы.

По сравнению с бронзовыми ножами, кинжалы составляют более малочисленную группу. Также данная категория бронзовых изделий имеет несколько более узкое применение – используются в основном как боевое или охотничье оружие, в отличие от тех же ножей или кельтов, используемых также в быту. Кинжалы подразделяются на черенковые и рукояточные.⁵⁷

Из этих двоих в Красноярско-Канской лесостепи больше обнаружено именно рукояточных, район распространения же черенковых кинжалов – Минусинская котловина, Курганская, Тюменская области, Забайкалье и т.д., однако и на территории рассматриваемой лесостепи исследователями были обнаружены кинжалы данного типа. Данный кинжал (см. Приложение 24), также найденный в Красноярско-Канском районе, относится, по классификации Ю. С. Гришина, к ажурношариковым рукояточным кинжалам. Данный тип назван так по прорезным полым шарикам, располагающимся на навершии кинжала. Эти бронзовые изделия имеют характерные признаки карасукских кинжалов: полую или желобчатую рукоять (с широким односторонним выходом желоба) Украшаются орнаментов в виде прямых, перекрестных или волнистых линий.

Другой подтип бронзовых кинжалов – шляпковый, названный по выпуклой (плоской выпуклой, но чуть подрезанной сверху) шляпки на

⁵⁷ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука. Москва, 1961.С. 15.

навершии кинжала. Рукоять изделия плоская либо имеющая односторонний желоб. Однако существуют и исключения: Канском районе найден кинжал, имеющий двустороннюю желобчатость⁵⁸. Некоторые кинжалы имеют орнамент, состоящий из горизонтальных линий, горизонтальных и пересекающих их вертикальных линий или так называемые «ёлочки». Клинки, как правило, имеют центральное ребро, часто в виде валика. Большинство шляпковых кинжалов имеют перекрестие, образованное двумя выемками у основания клинка, либо в виде небольших выступов (см. Приложение 25.1)

Кинжалы без навершия имеют орнаментированную рукоять с узким желобком без перемычек, переходящий в центральный валик. У основания клинка небольшие выемки. Орнаментация данного типа имеет довольно сложный рисунок, состоящий из нескольких групп коротких горизонтальных линий, перпендикулярных им вертикальных, а также ломаных линий и нескольких рядов бусин/горошин/жемчужин. Данный тип берет свое начало в Красноярско-Канском районе (см. Приложение 25.2)

Данный кинжал также относится Ю. С. Гришиным к втульчатым кинжалам – имеющим втульчатую (орнаментированную) рукоять. Орнамент состоит из групп вертикальных линий. Клинок часто имеет слабо выделенное ребро. Втульчатые кинжалы, происходящие из Красноярско-Канского района также имеют особенность в виде навершия округлой или четырехгранной формы, а также широкие выступы-перекрестия или хорошо выделенные лезвия. Но несмотря на явные черты тагарской культуры, данные экземпляры имеют исключительно карасукскую орнаментацию, а потому относятся к позднему карасукскому времени или уже его переходному периоду (см. Приложение 25.2-4)

⁵⁸ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука. Москва, 1961. С. 16.

Кольчатые кинжалы отличаются от прочих навершием в виде кольца округлой или овальной формы, а также в виде колесика со спицами (красноярский тип). Имеют рукоять с выпуклым и углубленным орнаментом (горизонтальные линии, «ёлочки»). У красноярских кинжалов рукоять плоская, с перемычками. Клинки, как правило, имеют центральное ребро, иногда в виде валика (см. Приложение 25. 5-6)

По аналогии с ножами, некоторые бронзовые кинжалы также имеют фигурную рукоять, выделяющуюся навершием в виде головы животного. Рукояти либо овально-округлые, либо уплощенные, часто с выпуклым орнаментом в виде горизонтальных и (в некотором случае) полукруглых линий. Перекрестие кинжалов данного типа значительно выступает над туловом клинка, сам клинок имеет центральное ребро в виде валика (см. Приложение 25.7)

По мнению Г. А. Максименкова, кинжалы составляют вторую по количеству материала группу бронзовых изделий, найденных в красноярско-канской лесостепи.⁵⁹ Почти у всех кинжалов одинаковое очертание, но различное сечение – для Красноярска это плоское с жилкой и узко-линзовидное сечение. Уже упомянутая выше особенность красноярских кинжалов – перекрестие, отделенное от лезвия выемкой является одной из наиболее распространенных черт изделий данного района. Около половины всех кинжалов имеют плоскую рукоятку. Характерные для Красноярска линзовидные клинки также можно встретить только на территории Казахстана, а у кинжалов лесостепной и степной (Минусинская котловина) можно встретить одинаковые навершия или изголовье козла на навершии фигурных кинжалов, характерные для Забайкальского края. Все это говорит о контактах носителей различной культурной традиции, передачи мастерства

⁵⁹ Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска / Г. А. Максименков. Вопросы истории Сибири и Дальнего востока . Новосибирск, 1961.С. 304.

и техник изготовления бронзовых изделий, некоторых заимствованиях в разработке формы.

Проведенный сравнительный анализ бронзовых изделий, обнаруженных на территории Красноярско-Канской лесостепи позволяет выделить характерные особенности металлических изделий и подчеркнуть все их многообразие, что также позволяет в очередной раз опровергнуть известный миф об отсталости и бедности данного региона. Однако, в сравнении с той же территорией Минусинской котловины – ближайшей к Красноярско-Канской лесостепи, район последней по-прежнему остается малоизученным, а поставленные перед исследователями вопросы – открытыми. Большинство представленных образцов находят аналогии за пределами Красноярско-Канской лесостепи, имеют родственные черты, о чем, главным образом, было рассказано в предыдущих главах.

3. Межкультурные связи на территории Красноярско-Канской лесостепи

На конец II тыс. приходится расцвет культур эпохи бронзы территорий Южной Сибири, Казахстана, Монголии и др., не лишняя в этом списке и территория рассматриваемой нами Красноярско-Канской лесостепи, на развитие которой в данный период также оказала влияние карасукская культура, сменившая господствующую на обширной территории от Уральских гор до берегов Енисея культуру андроновскую. Одним из существенных различий от предыдущей эпохи стало то, что на столь обширной территории, которую охватывала андроновская культура, долгое время существовали племена, мало отличающиеся друг от друга – в карасукское же время формируется множество локальных вариантов культуры, появившихся в результате более обособленного развития ее носителей.

Меняется и способ ведения хозяйства – оседлое население, занимающееся преимущественно земледелием и пастушеским скотоводством переходит к полукочевому образу жизни. Эти перемены поспособствовали возникновению новой культурной общности, однако, вобравшей в себя черты других культур. Появляется круглодонная сферическая посуда, более сложные формы бронзовых изделий – ножей, кинжалов и т.д. (в том числе с фигурными навершиями в виде животных). Одной из отличительных черт культуры также является погребальный отряд, заключающийся в захоронении покойника в могилах формы каменного ящика, особой традицией трупоположения и захоронения. Также для данной культуры характерно то, что карасукские племена, в отличие от многих других, развивали свою культуру обособленно друг от друга, потому сегодня нам известны как минимум с десятков локальных вариантов карасукской культуры. А потому, рассматривая красноярскую культуру как локальный вариант карасукской культуры в Красноярско-Канской лесостепи,

необходимо не только иметь представление о характерных признаках самой карасукской культуры, но и того ее варианта, что был распространен на указанной выше территории. А в контексте межкультурных связей еще и те ее особенности, что возникли в результате влияния других культур.

Большинство исследователей считают карасукцев представителями смешанного антропологического типа, включающего в себя, соответственно, европеоидный (андроновский) и монголоидный (Центральная Азия, северный Китай) антропологический тип и связывают с населением Монголии, Казахстана, Китая, Западной Сибири, Прибайкалья, Забайкалья и Средней Азии. На основе присутствия компонентов культур этих территорий делается вывод о смешанном контактном типе.

В работе А. В. Полякова «Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы минусинских котловин»⁶⁰ приводятся предварительные итоги изучения генома населения территории Минусинской котловины позднего бронзового века, а именно носителей культурных традиций афанасьевской, окуневской, андроновской и карасукской культур. Исследователь делает вывод о практически полном отсутствии преемственности между населением афанасьевской и окуневской культур, в период же поздней бронзы происходит полное смешение генофонда, смешение западно- и восточно-евразийских линий – этот этап в плане генетики остается наименее изученным.

Существует несколько схем развития карасукской культуры. Согласно одной из них (по Н. Л. Членовой), на момент прихода карасукцев на берегах Енисея одновременно жили андроновское и афанасьевское население, располагаясь, соответственно, на северных и южных территориях. Из афанасьевцев вскоре сформировалось лугавское население, которое, как и андроновское, постепенно ассимилировалось с карасукским. Согласно

⁶⁰ Поляков А. В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы минусинских котловин. Теория и практика археологических исследований. Т. 26. № 2. Барнаул. 2019. С. 91 – 108.

второй схеме развития (по Э. А. Новгородовой) произошла взаимная ассимиляция карасукцев и предков афанасьевцев-окуневцев.⁶¹ Культурные связи с андровской и окуневской культурными общностями говорят о местном происхождении культуры карасукских племен. Такой вывод можно сделать, основываясь на материале из погребений, погребальном обряде, а также орнаментации керамики – керамика с инкрустацией белой пастой не имела местных аналогов, а подобные изделия были известны только на территориях Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Равно как и для карасукских могил, для погребений афанасьевцев и окуневцев характерно наличие яйцевидных горшков, реже встречается посуда сферической формы, реповидная, бомбовидная, а также горшковидная с выпуклым или приплюснутым дном (см. Приложение 2). Однако если в афанасьевской культуры весьма распространены остродонные яйцевидные горшки, то уже в период господства карасукской культуры дно глиняной посуды более округляется, число яйцевидных сосудов невелико. Более сложным становится и орнамент, косые линии зубчатого или гладкого штампа «елочкой» заменяется более сложным, состоящим из ряда ромбов, треугольников, зигзагов и т.д., более простой орнамент в виде ямок и желобков (см. Приложение 2, 3). Среди керамики андроновской культуры не распространены круглодонные сосуды, однако от них, вероятно, карасукцы переняли способ орнаментирования – посуда андроновцев также содержит «елочковый» орнамент, зигзаги и заштрихованные треугольники. Схож с карасукским и погребальный обряд андроновцев (помещение глиняных сосудов с пищей у головы покойного, могилы – каменные ящики с оградой), правда, у андроновцев не была распространена традиция класть мертвому мясную пищу, также не клали и оружие.⁶²

⁶¹ Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Ленинград. Издательство Наука. 1986. С 52.

⁶² Вадецкая, Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. С. 44.

Наибольшее представление о погребальном обряде афанасьевцев исследователи получили после проведения работ в зоне Красноярского водохранилища, в результате которых число известных памятников увеличилось в несколько раз. На основании раскопок был также сделан вывод о том, что афанасьевские погребения в дальнейшем нередко использовались окуневцами, а затем и карасукским населением, что затрудняло точную идентификацию культуры и привело исследователей к выводу о еще большей сложности этнокультурного процесса.⁶³

Статья А. Н. Липского «Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов»⁶⁴ как раз посвящена сходствам и общим чертам в культуре данных племен, что, соответственно, фактически подтверждает контакты между ними. Исследователь в своей работе опирается на материал из могильника около улуса Федорова, что, конечно же, не входит в перечень материалов рассматриваемой нами территории Красноярско-Канской лесостепи, однако, данное исследование отвечает на вопрос о культурных контактах между афанасьевцами и карасукцами. Так, выделяя афанасьевские черты в карасукской керамике. А. Н. Липский говорит о форме сосудов, близкой к остродонному типу. Елочный орнамент сосудов также схож с афанасьевским, о преемственности также говорит остродонность сосуда и техника его обработки зубчаткой, также характерной для афанасьевской керамики (см. Приложение 4,5). О форме дна карасукских сосудов говорит С. В. Киселев в монографии «Древняя история Южной Сибири», отмечая факт того, что черты круглодонных сосудов афанасьевской эпохи, которые были совершенно забыты в последующую андроновскую эпоху на Енисее, вновь получают распространение в карасукское время. Исследователь связывает подобные изменения с переменой в образе жизни и особенностях

⁶³ Там же, С. 15-16.

⁶⁴ Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов / А. Н. Липский. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края : Археология. Красноярское книжное издательство, 1963. С. 57 – 89.

быта – карасукцы стали вести более подвижный образ жизни, перешли от оседлого к яйлажному ведению хозяйства, к кочевому образу жизни.⁶⁵ Однако А. Н. Липский с выводами С. В. Киселева не согласен, говоря о том, что все эти черты никуда не пропадали и существовали одновременно с населением, лишь видоизменяясь в ходе исторического или культурного развития.

Окуневская культура, являющаяся одной из самых молодых культур, на протяжении истории своего изучения относилась как к раннему этапу андроновской культуры, так и культуре афанасьевской – сосуды, раскопанные близ улуса Окунев отличаются от типичных андроновских, а наличие окуневских погребений в афанасьевских оградах долгое время являлось вопросом для исследователей. Окуневские сосуды плоскодонные, многие из них имеют довольно сложный орнамент по всей площади сосуда, порой закрывая и площадь днища. Для орнамента характерны ямки, «жемчужины», шахматные узоры и зигзаги, встречающиеся также в карасукской культуре. В представленном приложении (см. Приложение А) хорошо просматриваются сходства и различия окуневских, карасукских, а также афанасьевских и андроновских сосудов по форме и орнаментации. Свидетельством влияния окуневской культуры, по мнению Н. П. Макарова, служат сосуды с круглым и в особенности плоским дном, близкие к окуневским, обнаруженные на стоянке Боровое-2. Они имеют характерную сплошную орнаментацию по всей площади сосуда, состоящую из зубчатых штампов. Близкие к окуневским баночные сосуды также найдены на стоянке Усть-Мана. Н. П. Макаров сразу оговаривает то, что несмотря на усилившийся темп культурных контактов в начале – середине II тыс. до н.э (период, предшествующий позднебронзовому веку Красноярско-Канской лесостепи), окуневское население не переселялось на территорию лесостепи,

⁶⁵ Там же. С. 80 - 81.

след влияния культур Минусинской котловины мы можем заметить лишь исходя из формы и орнаментации сосудов. Та же стоянка Боровое-2, раскопки которой проводил сам Н. П. Макаров, не имеет типично окуневских погребений с их оградками и каменными ящиками.

На территории Красноярско-Канской лесостепи, помимо культурных общностей, непосредственно повлиявших на развитие местной культуры на основе культуры карасукской, можно заметить следы иных археологических культур. Красноярские погребения, как известно, имеют некоторые отличия от типичных захоронений карасукоидного типа ввиду отсутствия каменного ящика и курганной насыпи. Раскопки, проведенные на вышеуказанной территории показали, что несмотря на уже освоенную технику бронзолитейного производства, изделия из металла по-прежнему не вытесняют каменные. Среди них многочисленные орудия труда, наличие которых позволяет говорить о сохранении охотничье-рыболовческого типа ведения хозяйства⁶⁶. Также наличие разнотипной керамики и своеобразие погребальных комплексов Красноярской лесостепи, по мнению исследователя Н. П. Макарова⁶⁷, говорит о различных межкультурных контактах на этой территории. Погребения на Афонтовой горе исследователем соотносятся с глазковской культурой (публикации А. П. Окладникова и Н. П. Макарова 1949 и 1989 года соответственно), также исследователем рассматриваются захоронения в Пещерном логу и у о.Улаколь. Отличием красноярских погребений от типично глазковских также является отсутствие каменной кладки и бронзового инвентаря, что уже говорит о принадлежности погребений к раннему а не позднему этапу эпохи бронзы. Также многими исследователями отмечают связь карасукских памятников с памятниками еловской культуры, схожими как по конструкции

⁶⁶ Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи / Н. П. Макаров. Известия лаборатории древних технологий. Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета. 2005. С. 159.

⁶⁷ Там же, С. 159.

(уплощенное дно, низкая широкая форма изделия), так и по орнаменту, включающем в себя полосы ромбов и горизонтальные линии, а также более сложный сеточный орнамент. Схоже и расположение рисунка – обычно он наносился на плечиках и тулове сосуда, изредка на шейке, венчик же и придонная часть не орнаментировались вовсе⁶⁸. Исследователем А. В. Поляковым был проведен сравнительный анализ посуды окуневского типа с материалами памятников Сухое Озеро II, и Малые Копёны III, принадлежащие к карасукоидному типу (см. Приложение 28).

Среди материалов, относящихся к эпохе поздней бронзы мы также можем выделить керамику стоянки Монастырская в окрестностях Красноярска, одной из последних работ по Монастырскому археологическому комплексу является труд Д. А. Саковцевой⁶⁹, где исследователем рассматривается в том числе и период бронзового века Красноярской лесостепи. Анализ посуды стоянки Монастырская позволяет сделать вывод об культурном заимствовании местных племен западно-сибирских образцов. Так, на одном из представленных изделий (см. Приложение 26.1) мы можем заметить орнаментацию в виде двух линий заштрихованных треугольников, являющихся в общем характерным признаком многих культурных общностей эпохи поздней бронзы, поясом ямок и тремя параллельными линиями. Данная орнаментация находит соответствие в нескольких культурах Западной Сибири, в т.ч. еловской и ирменской культурах⁷⁰. Говоря об влиянии западно-сибирской культурной традиции в Красноярской лесостепи, Н. П. Макаров также говорит о контактах с окуневским и андроновским населением – последнее, однако, оказало меньшее влияние ввиду слабого распространения андроновской

⁶⁸Поляков А.В. К вопросу об участии еловской культуры в формировании памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея / А. В. Поляков .Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 19-21 мая 2010 г.). Томск, 2010. С. 356-357.

⁶⁹Саковцева Д. А. Древняя история Красноярской лесостепи на материалах Монастырского археологического комплекса (в трудах российских исследователей) [Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа бакалавра : 46.03.01 / Д. А. Саковцева. — Красноярск : СФУ, 2016. 72 с.

⁷⁰Саковцева Д. А. Там же, С. 55.

орнаментации.⁷¹ Исследователь также говорит о том, что разнотипная керамика пока обнаружена лишь в смешанных культурных горизонтах (Усть-Мана, Монастырская, Няша, Бирюса, Дрокино)⁷². Из этого исходит вывод о немногочисленных контактах, относимых исследователем к концу III – началу II тыс. до н.э., между пришлыми и местными племенами, об этом говорит малочисленность инокультурных типов керамики.

Нарезной или штампованный геометрический орнамент из треугольников и ромбов, считающийся характерным для карасукской культуры, встречается не только на керамической посуде, но и на бронзовых изделиях – рукоятях карасукских ножей, кинжалов и кельтов.

Орудия труда из бронзы довольно многочисленны, наибольшее распространение получили различные виды ножей. Для карасукской культуры наиболее характерны коленчатые и изогнутые ножи. На территории Красноярско-Канской лесостепи встречаются прямые, дугообразно изогнутые и другие, некоторые имеют на конце рукояти кольцо, грибовидную шляпку или изображение какого-либо животного (черта фигурных ножей). Большим разнообразием по количеству материала отличается именно Минусинская котловина.

Карасукская культура – это культура в первую очередь земледельцев и скотоводов – как оседлых, так и кочевых. Скотоводство, в том числе домашнее, играло важную роль в жизни племен. Мясо барана, коровы или лошади нередко помещают в могилу к покойному, а их изображения украшают карасукские изделия. Особой популярностью у карасукцев обладал баран. Изображение барана мы можем встретить, например, на рукояти найденного на территории Абакана бронзового ножа (см. Приложение 6). Он имеет длину (сохранившейся части) – 315 мм и ширину в

⁷¹ Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи / Н. П. Макаров. Известия лаборатории древних технологий. Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета. 2005. С. 163

⁷² Там же

35 м. На основании существования данного ножа с изображением барана, имеющим явно тотемный характер, А. Н. Липский делает вывод о распространении скотоводства с уклоном в овцеводство⁷³. Среди прочих интересных находок в погребениях на тер. Абакана можно выделить бронзовый кельт клиновидной формы (см. Приложение 7) и бронзовый коленчатый нож (см. Приложение 8).

Одни из самых распространенных изделий являются именно однолезвийные ножи - зачастую такие ножи имеют фигурную рукоять. По мнению исследователя Е. Н. Черных⁷⁴, карасукские однолезвийные ножи происходят от ножей-кинжалов сейминско-турбинского типа (см. Приложение 9). Похожий вывод Е. Н. Черных делает и относительно происхождения карасукских кинжалов (см. Приложение 10). Отметим, что и те, и другие бронзовые изделия были найдены в Минусинской котловине.

Однако металлические изделия карасукской культуры не ограничиваются ножами. Это бронзовые кельты, кинжалы, серпы, наконечники копий, секачи, лопаты, топоры (в том числе и боевые) и т.д. Известно большое количество бронзовых украшений, которые, однако, нередко становятся добычей грабителей. В карасукских погребениях обнаруживают бляшки, лапчатые подвески (в т.ч. для украшения косы), пуговицы, шилья, иглы, серьги, бусы и т.д. На позднем (каменоложском) этапе карасукской культуры заметно некоторое развитие в технике изготовления бронзовых украшений, однако в большинстве своем они не претерпевают значительных изменений (см. Приложение 11). Однако сильно видоизменяются те же ножи, навершие коленчатых ножей упрощается, чаще встречаются ножи единого типа, к примеру, с грибовидной шляпкой.

⁷³ Липский, А.Н. Карасукские погребения (1200-700 лет до н.э) в г.Абакане / А. Н. Липский. Краеведческий сборник №1.1956.С. 111.

⁷⁴ Черных Е.Н. Культура номадов в мегаструктуре евразийского мира. Том 1/ Е. Н. Черных. Языки славянской культуры. 2003. С. 291.

В карасукскую эпоху идет процесс развития металлургического производства и, в частности, расцвета литейной техники. Появляются самые разнообразные по форме и сложности бронзовые изделия, в которых, в том числе, порой угадываются черты предыдущих эпох – андроновской, афанасьевской и окуневской. Имеют место и культурные связи – так некоторые ножи вогнутообушковой формы имеют восточное происхождение, а, к примеру, нарезные наконечники копий – западное.⁷⁵ Ю. С. Гришин в своем исследовании помимо классификации медно-бронзовых изделий уделил внимание развитию металлургии в вышеуказанных регионах, а также ее особенностям литейного производства в отдельных районах.

На рассматриваемой территории также как и в Казахстане, Минусинской котловине, на Алтае, в Забайкалье и других районах сложился собственный очаг металлургического производства. Медно-бронзовые изделия, изготовленные на данной территории имели собственные отличительные черты, однако нередко копировали технику других районов. В вещах, относимых многими исследователями к самобытной красноярской культуре, прослеживались черты минусинской медно-бронзовой индустрии, угадывались особенности металлургического производства районов Забайкалья и Казахстана. Некоторые из них (напр. желобчато- прорезные) проникли на территорию лесостепи с Казахстана, а многие известные на сегодняшний день бронзовые изделия (ножи, кинжалы) имеют типично минусинские формы. Ведь именно на этой территории складывался крупнейший очаг металлургии, известный наибольшим разнообразием техники и форм металлических изделий.

Однако заимствованные вещи на территории лесостепи видоизменялись – контакты карасукцев Красноярско-Канского района послужили основанием для создания местных своеобразных форм, по

⁷⁵Гришин, Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин. Свод археологических источников. Выпуск ВЗ-12. Издательство Наука.Москва, 1961 – 112 с.

сложности и разнообразию нередко не уступающих минусинским. Черты минусинских изделий имеют коленчатые и вогнутообушковые ножи или фигурные кинжалы, форма навершия которых напоминает подобные изделия Минусинской котловины. Выше также упоминался тот факт, что многие втульчатые бронзовые ножи с территории лесостепи имеют линзовидное сечение клинка, встречающееся только в Казахстане.

И в то же время на территории лесостепи можно обнаружить вещи, нехарактерные для других регионов. Это ножи с дугообразно изогнутым обушком, но имеющие навершия, ножи с петлеобразным отверстием, ножи, в навершии которых изображено кольцо со спицами. Говоря общими словами, местный вариант карасукской культуры в Красноярско-Канской лесостепи или же самобытная красноярская культура даже несмотря на заимствования со стороны других культурных общностей, имеет ряд особенностей. Это касается как бронзовых изделий, которые карасукцы Красноярско-Канской лесостепи переняли у других племен и значительно модернизировали, так и возникшие полностью новые формы вроде кельтов красноярско-ангарского типа. К периоду поздней бронзы связи между родственными культурами становятся все слабее, однако усиливается заимствование достижений культур соседних районов. Пожалуй, это и станет логичным выводом к данной главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На территории Красноярско–Канской лесостепи в XIII–X веках до н.э. расположился один из множества локальных районов, относимых исследователями к территории карасукского мира. Возникшая в этом районе красноярская культура первоначально воспринималась исследователями как отсталая и бедная, сохранявшая множество архаичных черт и развивавшаяся исключительно за счет заимствования достижений соседних очагов – Минусинской котловины, Прибайкалья, Казахстана, Западной Сибири и т.д. Однако дальнейшие исследования показали, что красноярская культура хоть и многое позаимствовала у своих соседей, все-таки имеет свои самобытные черты.

Здесь сложился своеобразный очаг металлургии, испытывающий влияние как богатой минусинской медно-бронзовой индустрии, так и забайкальской и казахстанской, отмечается некоторое наследие сейминско-турбинской металлургической провинции. Бронзовые изделия карасукоидного облика Красноярского и Канского района содержали в себе заимствованные черты минусинских вогнутообушковых ножей и фигурных кинжалов, бронзовых ножей с клинками казахстанского типа, изделий с навершиями, характерными только для вещей Забайкальского района или бронзовые кинжалы, не имеющие навершия вовсе и т.д., в изделиях из бронзы угадываются черты предшествующих андроновской, афанасьевской и окуневской культур. .

Говоря о погребальном обряде, стоит отметить погребения афанасьевцев-окуневцев, федоровцев, еловцев (тип посуды) и алакульской культуры Казахстана, которые имеют общие черты с карасукскими памятниками (круглые ограды). Погребения первых и вовсе после использовались карасукцами, схож с карасукским и погребальный обряд андроновцев, от которых те также переняли технику изготовления керамической посуды.

Наличием в Красноярско-Канской лесостепи бронзовых изделий (ножей, кинжалов, обосновываются существовавшие культурные связи с племенами тагарцев – культурупреемников карасукцев, в бытность которых получает свое развитие погребальный обряд и керамика. Также существует мнение о военных столкновениях племен тагарцев и карасукцев. Стоит сказать и то, что контакты между обитателями лесостепей и степной полосы не были достаточно тесными – значительная часть вещей Красноярскоканской лесостепи не имеет аналогов в тагарской культуре – явные различия между бронзовыми кельтами обеих культур.

Отдельного внимания удостоены материалы, не встречающиеся на других территориях, как например, знаменитые красноярские кельты, которые и в наше время продолжают интересовать исследователей. Многие карасукские бронзовые изделия лесостепи отличаются сложностью литейных форм, хотя в этом плане все же сохраняют отставание от металлургии Минусинской котловины с ее многообразием. На рукоятках рассматриваемых нами металлических изделий (ножей, кинжалов и кельтов) встречается геометрический орнамент из групп вертикальных и горизонтальных черточек, реже к ним добавляются группы маленьких жемчужин. Орнамент двух видов – выпуклый и углубленный.

Говоря о местном или заимствованном производстве по-прежнему нельзя дать точного ответа. Многие рассмотренные выше бронзовые изделия не встречаются в других районах помимо Красноярско-Канской лесостепи, что наталкивает на вывод о местном металлургическом производстве. Действительно, на данной территории образовался собственный очаг металлургии, однако нельзя отрицать культурное влияние соседних с лесостепью территорий. Это происходило как в результате заимствования, так и в результате военных столкновений, к примеру, с племенами тагарцев. Уже в поздний этап карасукской культуры бронзовые изделия приобретают черты тагарских, формируя тем самым переходный этап, послуживший началом заката карасукской культуры и рассвету культуры в некоторых

отношениях более совершенной. Потому одно можно сказать точно, в рассматриваемый нами период Красноярско-Канская лесостепь служила зоной активных культурных контактов между различными племенами, а уж если говорить о развитии металлургической промышленности, то в этом случае диапазон культурных связей охватывает чуть ли не всю область распространения карасукской культуры, объединяя в своих памятниках черты культур Казахстана, Западной и Южной Сибири, Прибайкалья и Забалья, а также территорий Центральной Азии и Китая. Как представители смешанного культурного типа, карасукцы также имеют черты населения этих территорий – европеоидного (андроновского) и монголоидного типов.

Проживающие на территории лесостепи племена в разное время имели контакты с лугавцами, андроновцами, афанасьевцами, окуневцами, тагарцами и другими культурами. Местные карасукские племена, проживая более-менее обособлено друг от друга, сосуществовали с племенами афанасьевцев, что подтверждено многими исследователями, от которых позаимствовали технику изготовления и обработки керамической посуды – округлые и остродонные формы горшков и тип орнаментации, от окуневцев также была заимствована традиция изготовления бронзовых ножей. По нескольким существующим версиям, со временем племена карасукцев и афанасьевцев-окуневцев подверглись взаимоассимиляции. Особенно важными в этой связи является публикация результатов последних генетических исследований, однако для составления полной картины требуется дальнейшее изучение вопроса. Пока мы можем говорить лишь о менее тесных связях носителей традиций афанасьевской и окуневской культур, чем это предполагалось ранее. В целом, ситуация в контексте других рассматриваемых племен схожа, в основном происходит полная смена населения без какого-либо активного смешения

Однако, стоит сказать и о том, что проблема межкультурных связей нуждается в дальнейшем изучении, ввиду ограниченного числа задействованного материала. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что

тема требует дальнейшего рассмотрения для создания более детальной картины межкультурных взаимоотношений на территории Красноярской и Канской лесостепей в период позднего бронзового века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Литература

1. Антипова Е. М. Флора внутриконтинентальных островных лесостепей Средней Сибири: монография / Е. М. Антипова. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. 662 с.
2. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. Издательство Наука Ленинград, 1986. С. 15–16, 44, 51–55.
3. Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / Ю. С. Гришин // Свод археологических источников. Выпуск № 3-12. М.: Наука, 1961. С 11–17, 20, 40, 56–57.
4. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцов. Государственный музей Приенисейского края. Красноярск. 1929. С. 20–21.
5. Клейн Л. С. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации / Л. С. Клейн. Грани культуры. Вторая международная научная конференция 4-6 ноября 1997 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб. 1997. С. 107–110.
6. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи. Институт экологии человека СО РАН. Кемерово. 2011. С. 69–76.
7. Липский А. Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов / А. Н. Липский. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края: Археология. Красноярское книжное издательство, 1963. С. 57–89.
8. Липский А.Н. Карасукские погребения (1200-700 лет до н.э) в г.Абакане / А. Н. Липский. Краеведческий сборник. № 1. 1956. С. 111, 115, 133.
9. Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа / Н. П. Макаров. Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV

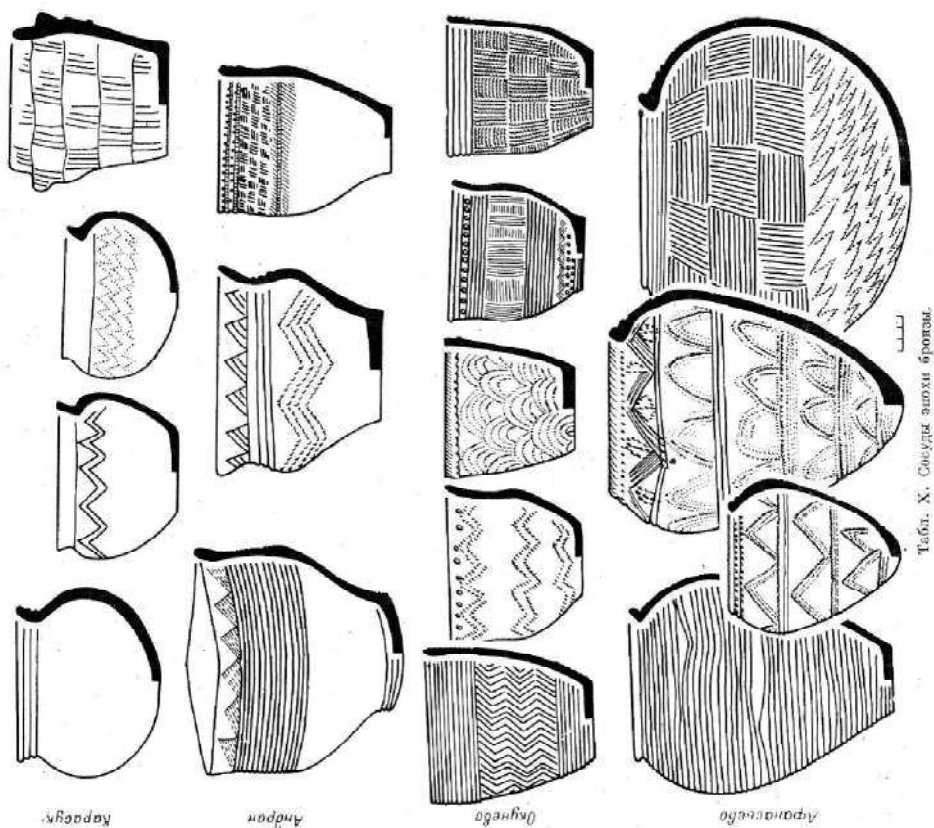
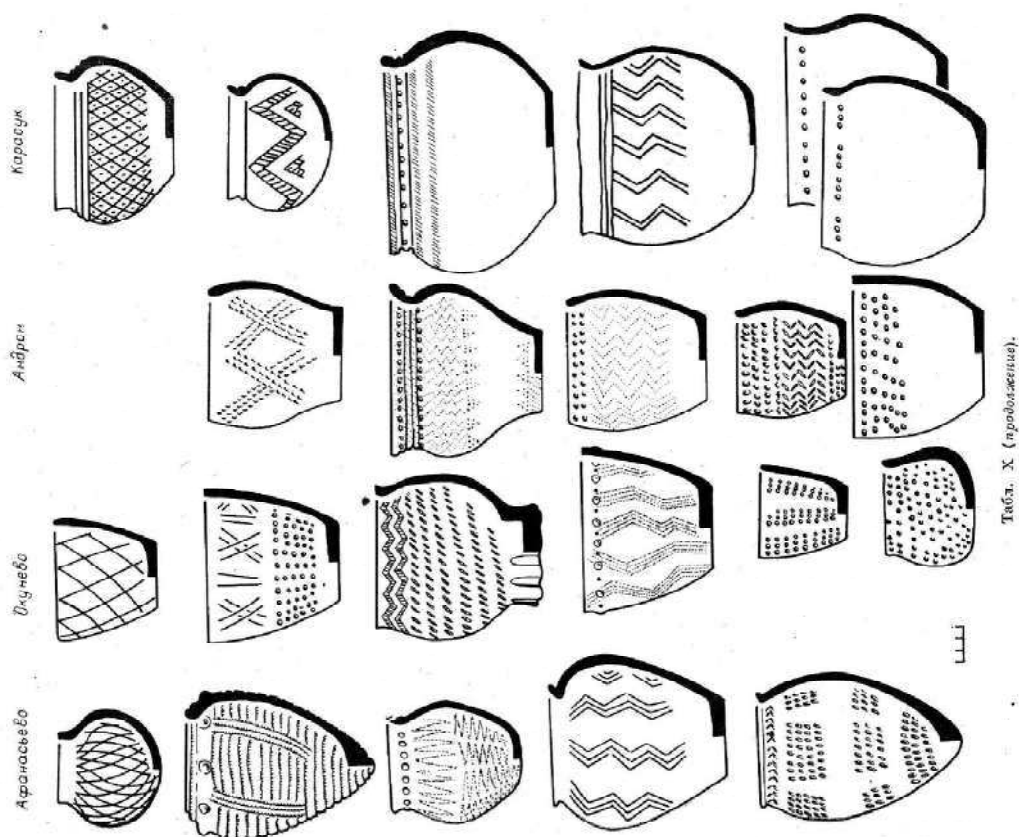
- Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Издательство Аграф-Пресс. Томск, 2010. С. 195–197.
10. Макаров Н. П. Красноярско-Канская лесостепь в диалоге культур неолита и бронзового века Западной и Восточной Сибири / Н. П. Макаров // Вестник ТГУ. История. № 4(42) . 2016. С 94–97.
 11. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи / Н. П. Макаров. Известия лаборатории древних технологий. Издательство Иркутского национального исследовательского технического университета. 2005. С. 159, 163
 12. Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов / Г. А. Максименков. Советская археология. №1. Издательство Академии наук СССР, Москва. 1960. С. 148–162.
 13. Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярска / Г. А. Максименков. Вопросы истории Сибири и Дальнего востока . Новосибирск, 1961. С. 301–304.
 14. Мандрыка П. В. Сенотрусова П. О. Красноярская археологическая культура : историография и современное состояние / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова . Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). Красноярск, 27–30 декабря 2017 г. отв.ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров, ред.кол. 2017. С 74- 81.
 15. Новгородова Э. А. Центральная азия и карасукская проблема / Э. А. Новгородова // Отв. ред. Л. Р. Кызласов. М.: Наука, 1970. С. 13–14.
 16. Новых Л. В. Компоненты и символы Красноярской культуры эпохи поздней бронзы / Л. В. Новых. Культура как система в историческом контексте : Опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. 2010. С. 220-223.
 17. Окладников А. П. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 1 / А. П. Окладников. Издательство Наука, 1968. 527 с.

18. Поляков А. В. К вопросу об участии еловской культуры в формировании памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея / А. В. Поляков. Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 19-21 мая 2010 г.). Томск, 2010. С. 356–357.
19. Поляков А. В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы минусинских котловин. Теория и практика археологических исследований. Т. 26. № 2. Барнаул. 2019. С. 91-108.
20. Поляков А. В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников) / А. В. Поляков. автореф. дис. канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 5–6, 10, 21.
21. Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска / Э. Р. Рыгдылон. КСИИМК. Вып. 60, 1955. С. 129-134.
22. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А. П. Садохин. КИОРУС. Москва, 2014. 254 с.
23. Саковцева Д. А. Древняя история Красноярской лесостепи на материалах Монастырского археологического комплекса (в трудах российских исследователей) [Электронный ресурс]: выпускная квалификационная работа бакалавра : 46.03.01 / Д. А. Саковцева. Красноярск: СФУ, 2016. 72 с.
24. Тимощенко А. А., Бочарова Е. Н. К проблеме археологии каменного века и эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины (историографический аспект). А. А. Тимощенко, Е. Н. Бочарова. Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры Издательство: Иркутский государственный университет. Иркутск. 2017. С. 231-239.
25. Тимощенко А. А., Выборнов А. В., Рыбин Е. П. Анжевский комплекс археологических памятников – новый разновременный могильник на территории Канско-Рыбинской котловины. Предварительные данные. 2018 / А. А. Тимощенко А. В. Выборнов. Теория и практика археологических исследований. № 2. 2018. С. 99–100, 105, 109–110.

26. Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины: Современное состояние проблемы / Вестник Новосибирского государственного университета №5 .2015. С. 25.
27. Толкацкий, А. Н. Археологическая карта Канского района Красноярского края. Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>, свободный.
28. Хаврин С. В. Карасукская проблема? / С. В. Хаврин. Петербургский археологический вестник. Выпуск 8. 1994. С.104–113.
29. Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры / М. Д. Хлобыстина. Издательство Государственного Эрмитажа. 1962. 32 с.
30. Черных Е. Н. Культура номадов в мегаструктуре евразийского мира. Том 1/ Е. Н. Черных // Языки славянской культуры. 2003. С 289–294
31. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи / Н. Л. Членова. Издательство Наука .1972. С 73, 81–82.

Приложения

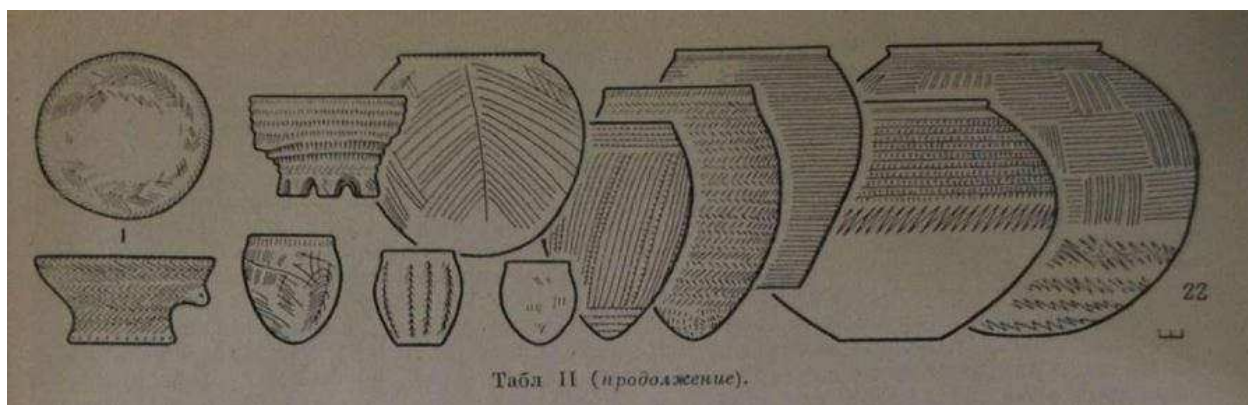
Приложение А. Таблица различий сосудов различных культур по форме и орнаментации (по Э. Б. Вадецкой)

Приложение 1. Афанасьевские и окуневские сосуды из могильника Карасук II (Вадецкая, 1986. С. 18.)

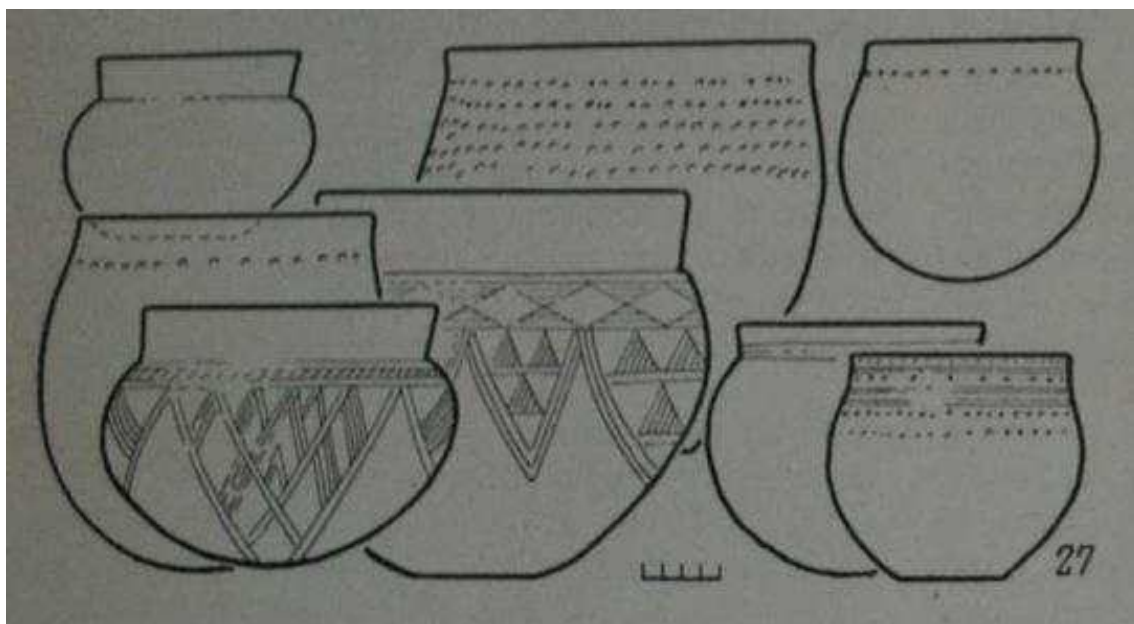

Приложение 2. Керамика афанасьевской культуры (Вадецкая, 1986. С.

20.)

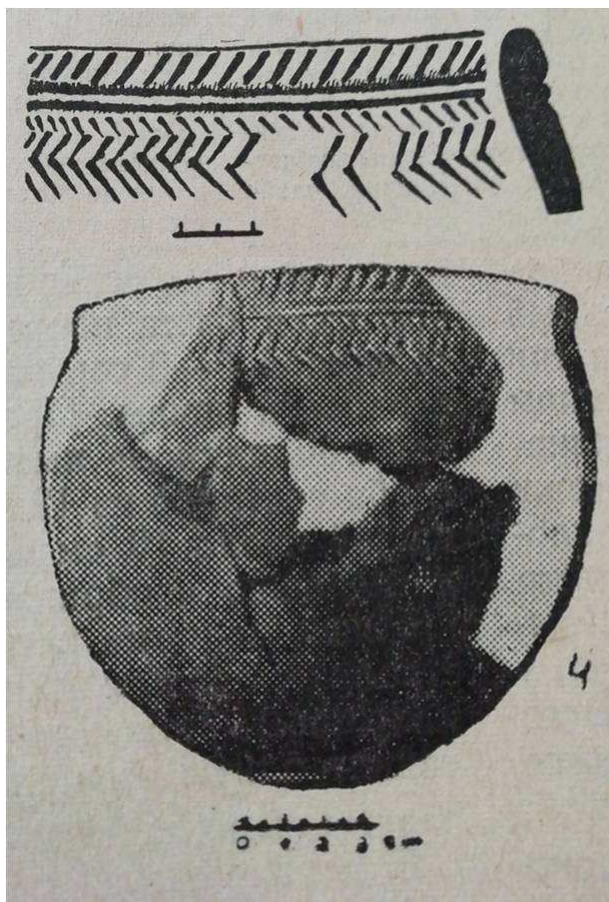
Приложение 3. Карасукская керамика (Вадецкая, 1986. С. 56.)

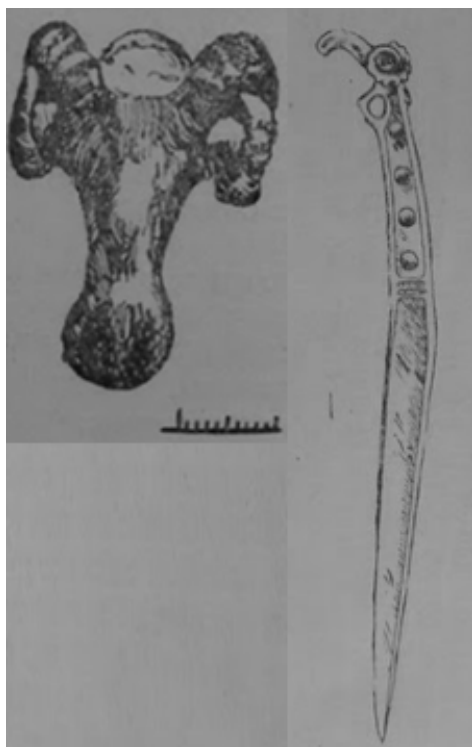
Приложение 4. Орнамент и профиль привенчиковой части сосуда (Липский, 1963, С.60)

Приложение 5. Сосуд подостродонной формы и его орнамент
(Липский, 1963, С 72)

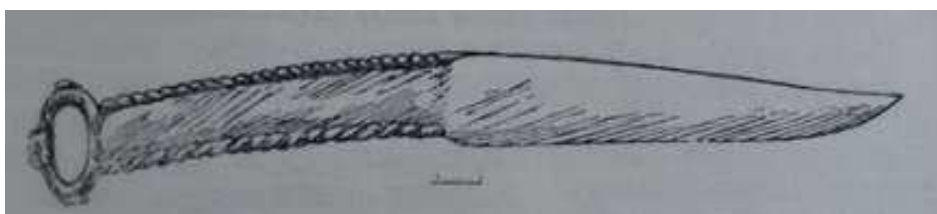
Приложение 6. Бронзовый нож с зооморфным навершием в форме барана
(Липский, 1986 – С 111)

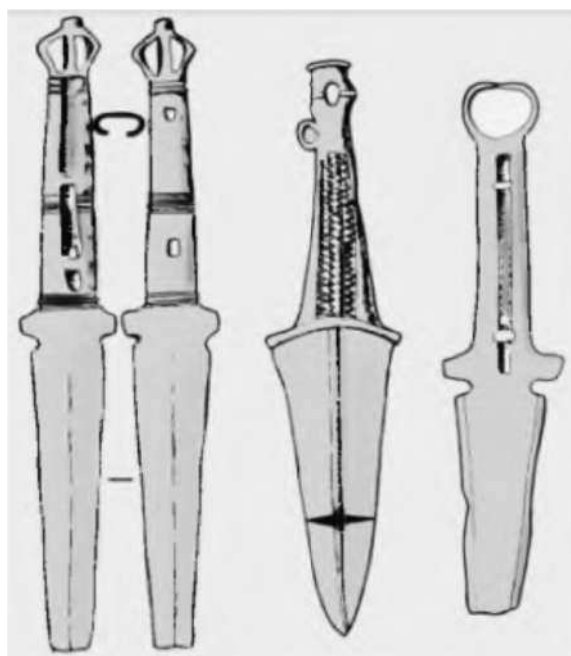
Приложение 7. Бронзовый кельт (Липский, 1986 – С 115)

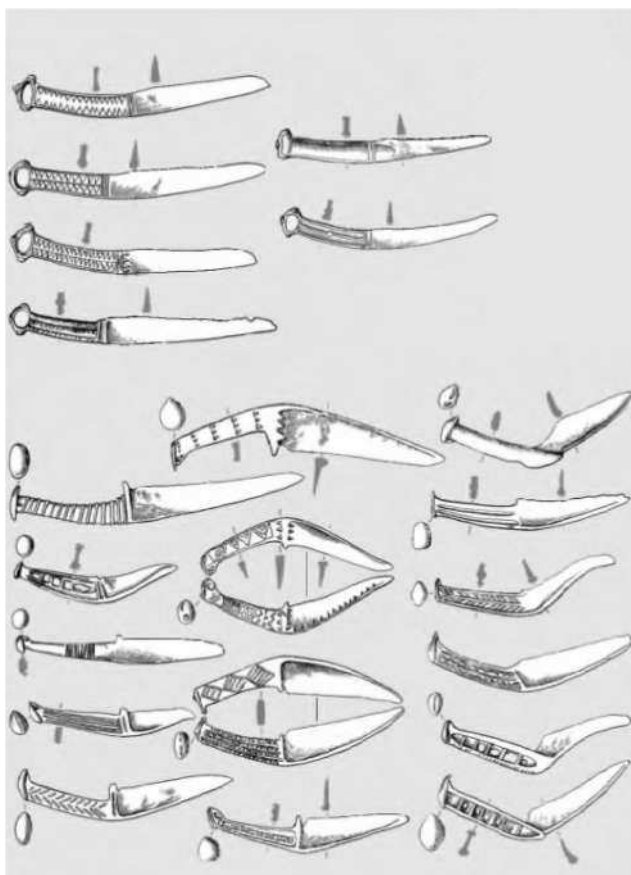
Приложение 8. Бронзовый коленчатый нож (Липский. 1986. С. 133)

Приложение 9. Бронзовые двулезвийные кинжалы (Черных. 2013. С.292)

Приложение 10. Коленчатые однолезвийные ножи (Черных, 2013. С. 291)

Приложение 11. Карасукские и каменоложские украшения (Вадецкая, 1986.

Карасукский этап

Каменоложский этап

С.56-
57)

Приложение 12. Бронзовый кельт из Красноярско-канского лесостепного района (Гришин, 1961.

Приложение 13. Кельты красноярского типа из Новопятницкого клада

Приложение 14. Бронзовые кельты Красноярско-канской лесостепи

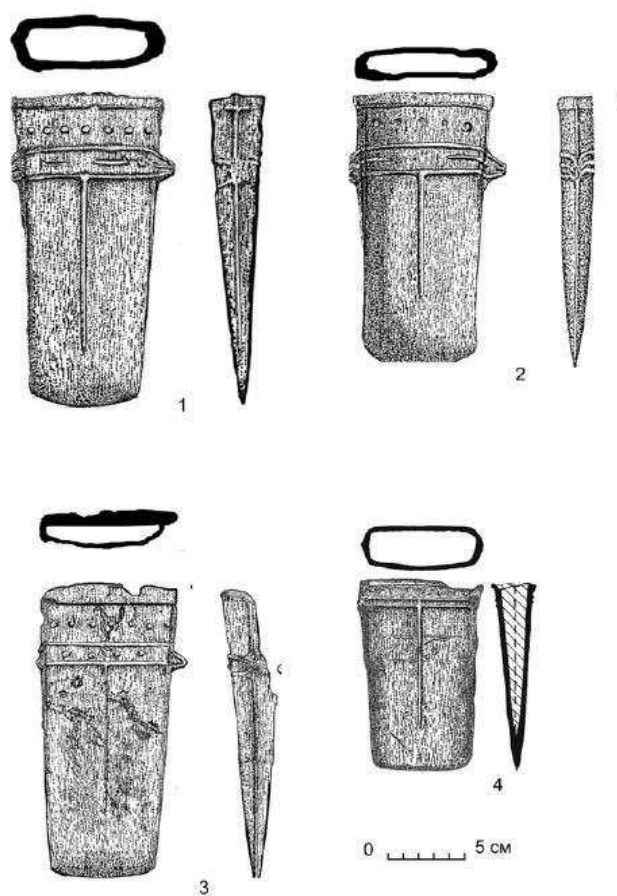
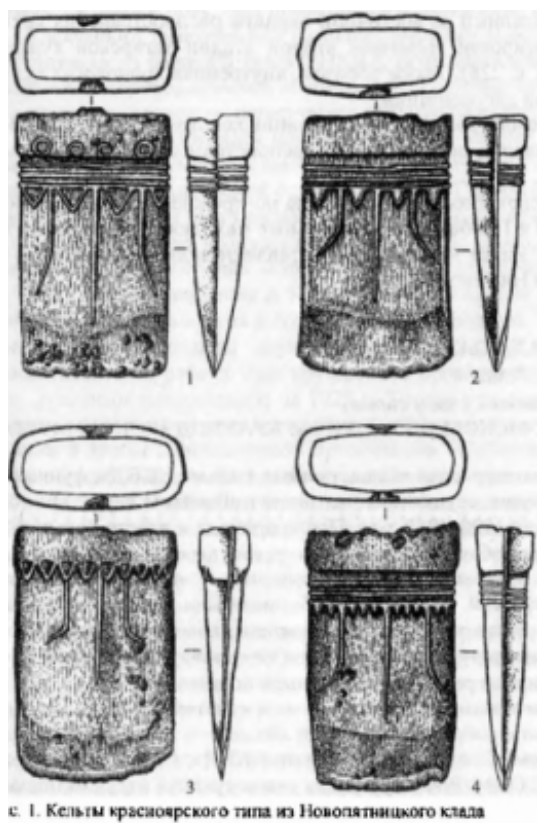
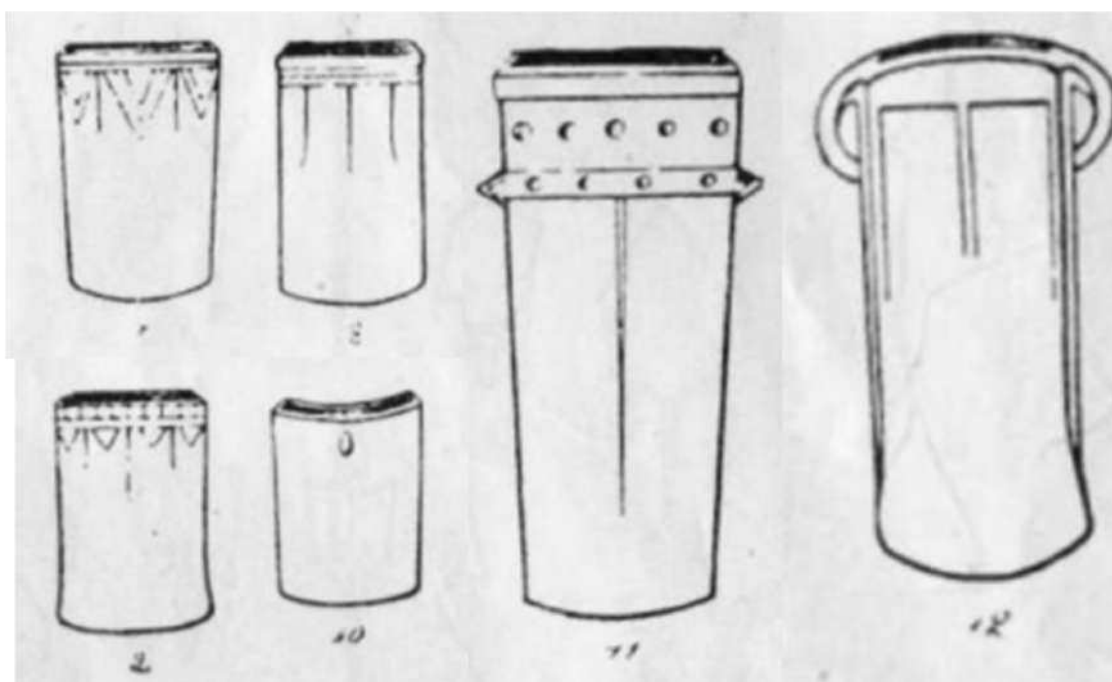
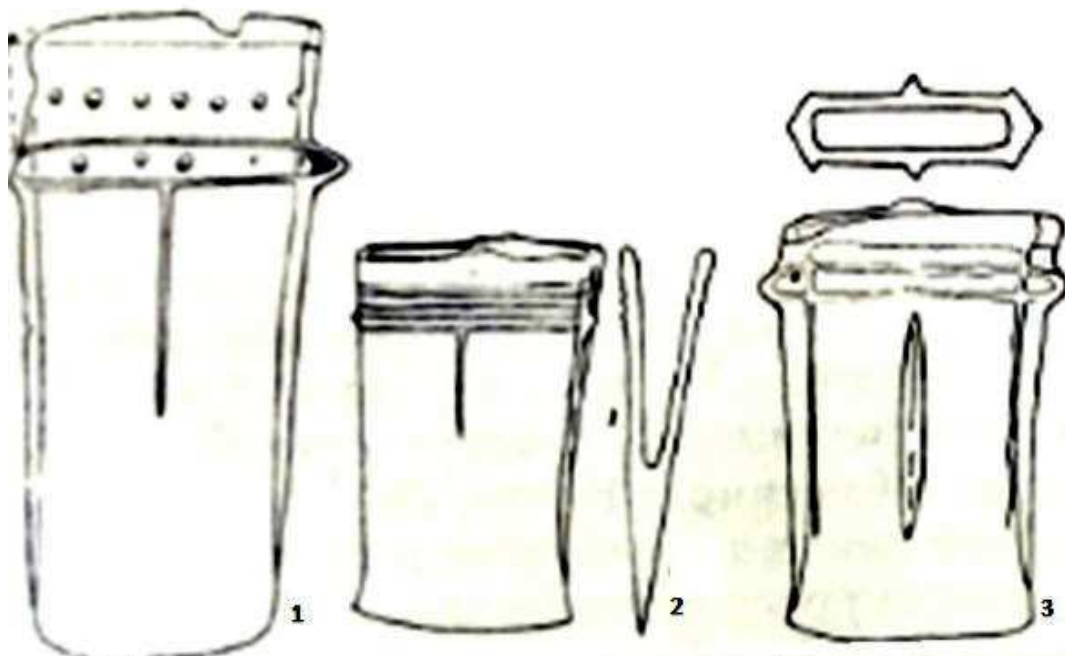

Рис. 1. Кельты Красноярско-Канской лесостепи. Поздний бронзовый век: 1 – Лалейки; 2 – Дрокино; 3 – Базаиха; 4 – Нефтепровод 2

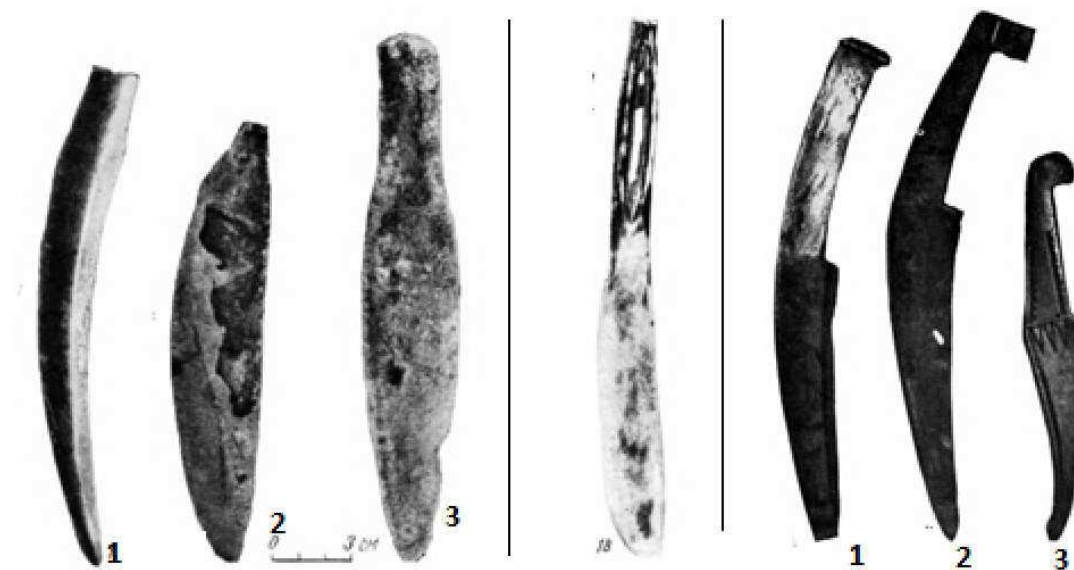
Приложение 15. Бронзовые кельты, найденные под Красноярском

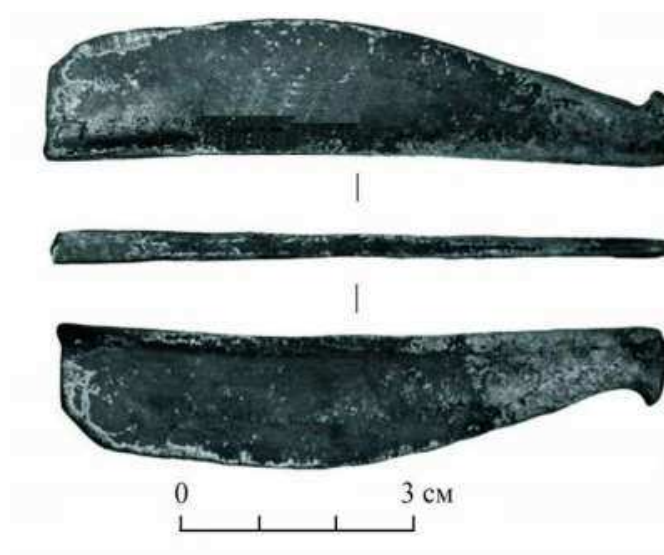
Приложение 16. Бронзовые кельты (Макаров, 2010.)

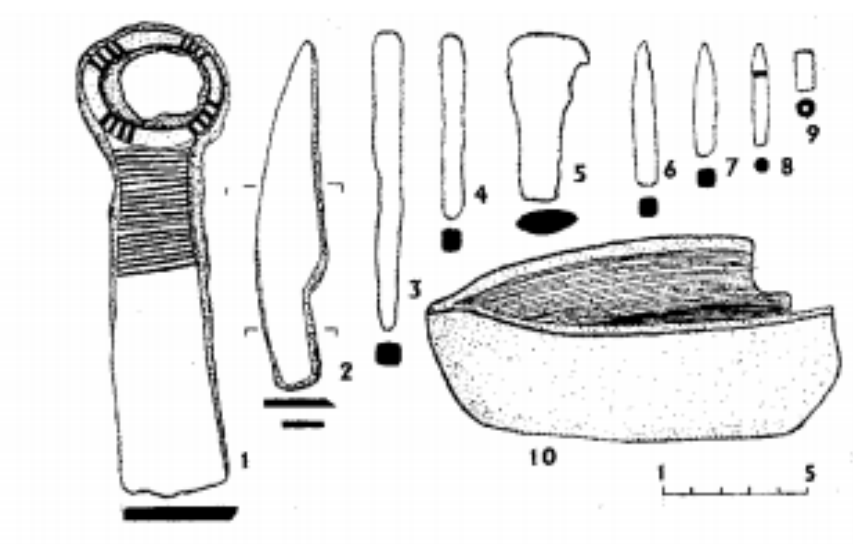
Приложение 17, 18 и 19. Бронзовые ножи (Гришин, 1961)

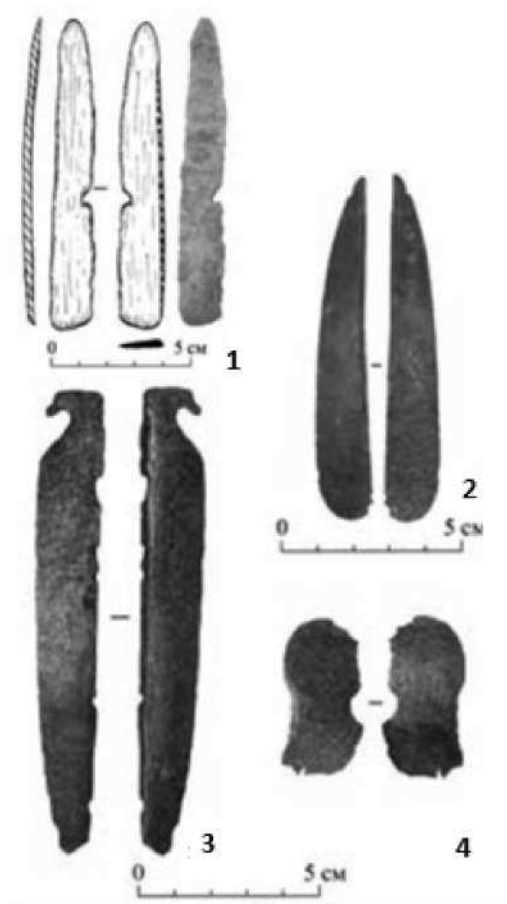
Приложение 20. Бронзовый нож Канского района (Попиха)

Приложение 21

Приложение 22 Бронзовый нож, Нефтепровод-2 (Тимощенко, Савельев, 2013)

Приложение 23. Фигурный нож из Минусинской котловины
(Гришин Ю. С , 1961)

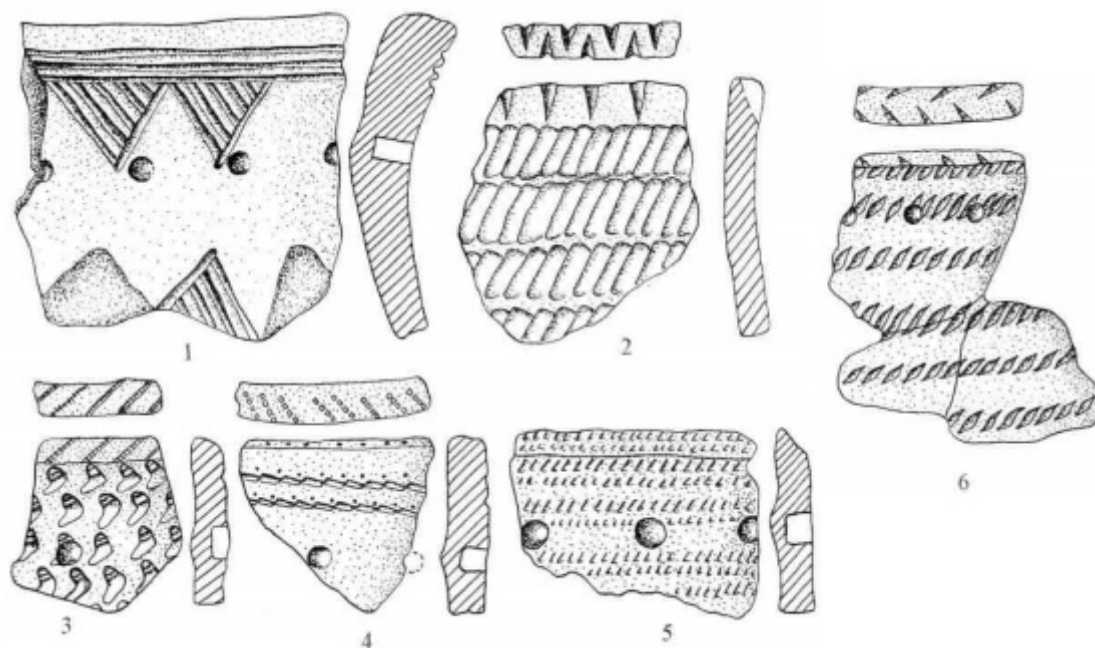
Приложение 24. Ажурношариковый бронзовый нож (Гришин Ю. С , 1961)

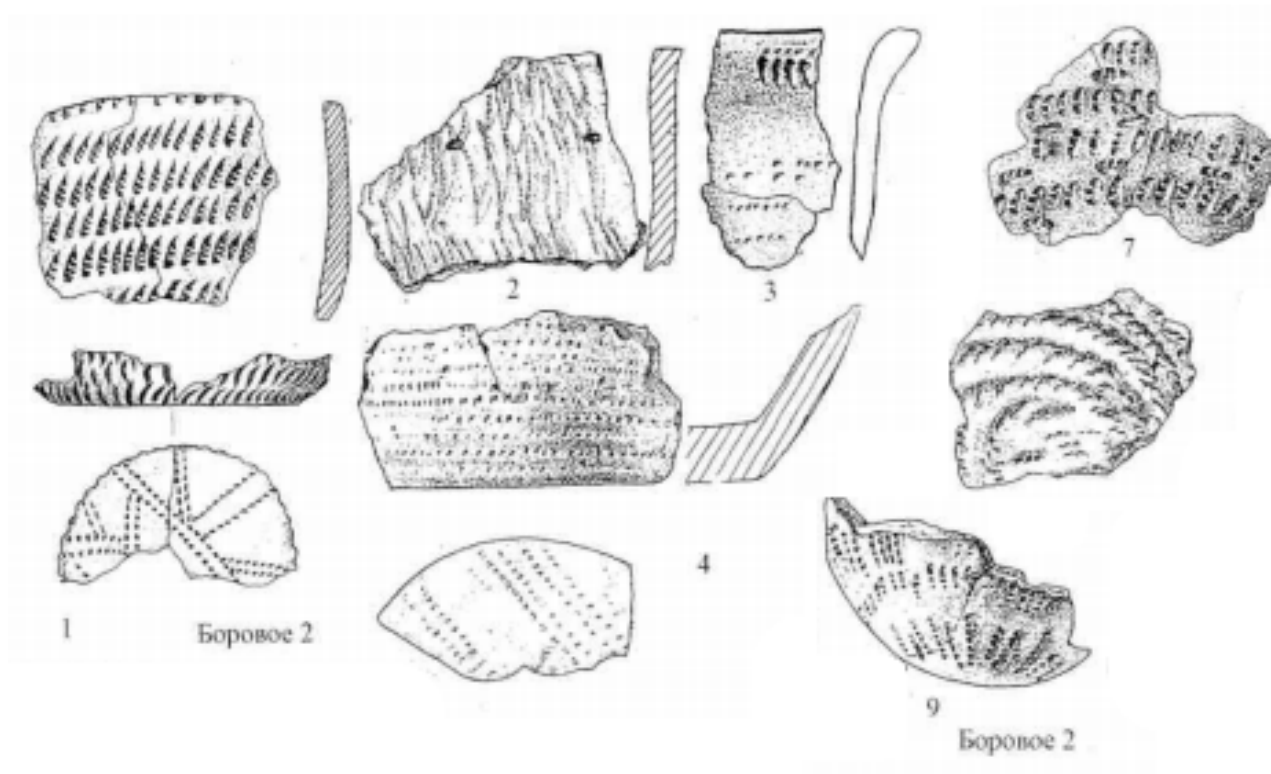
Приложение 25. Бронзовые кинжалы Красноярско-канского района (Гришин Ю. С , 1961)

Приложение 26. Керамика стоянки Монастырская (Макаров Н. П. , 2005)

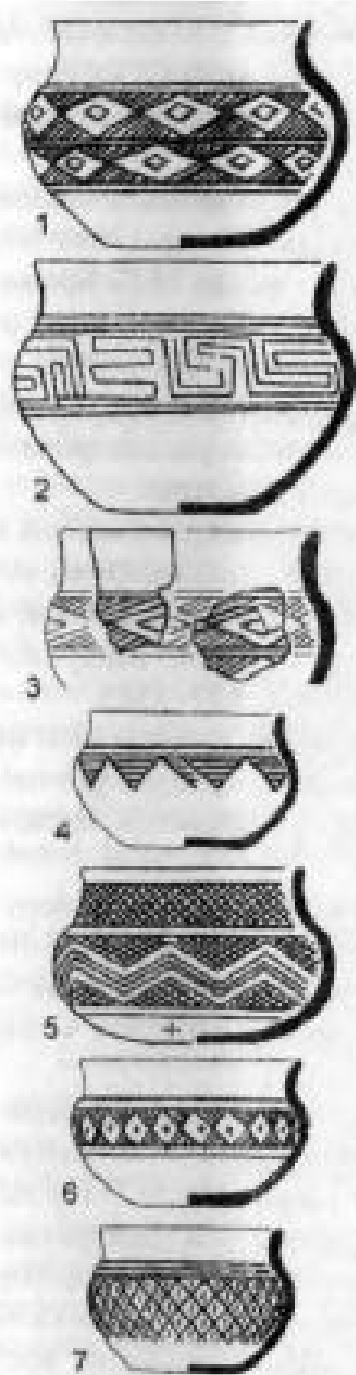

Приложение 27. Керамика стоянки Боровое-2 (Макаров Н.П. , 2005)

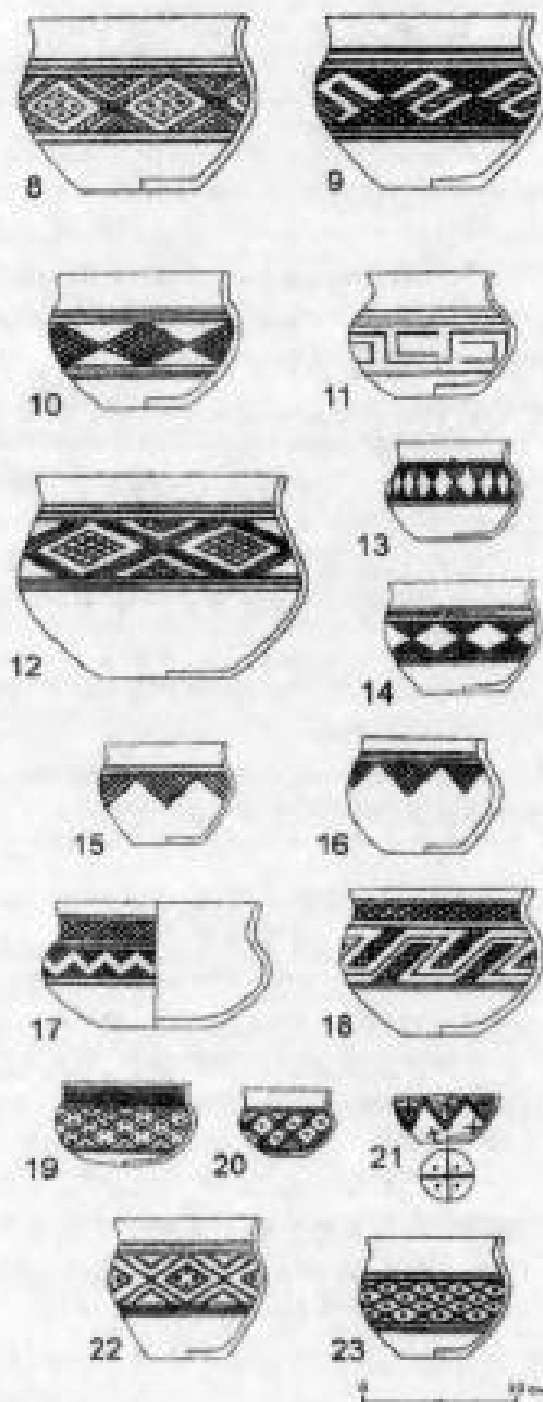

Приложение 28. Сопоставление карасукской керамики и материалов могильника Еловский I (Поляков А. В., 2010)

карасукская керамика
У типа

могильник Еловский I кург. 21 и 32
(по Матюшенко, 2001)

Приложение 29. Бронзовый кельт со стоянки Усть-Собакино и его параллели, проводимые с кельтом, найденным на Арчекасе (Ковтун И.В., Марочкин А.Г., 2011)

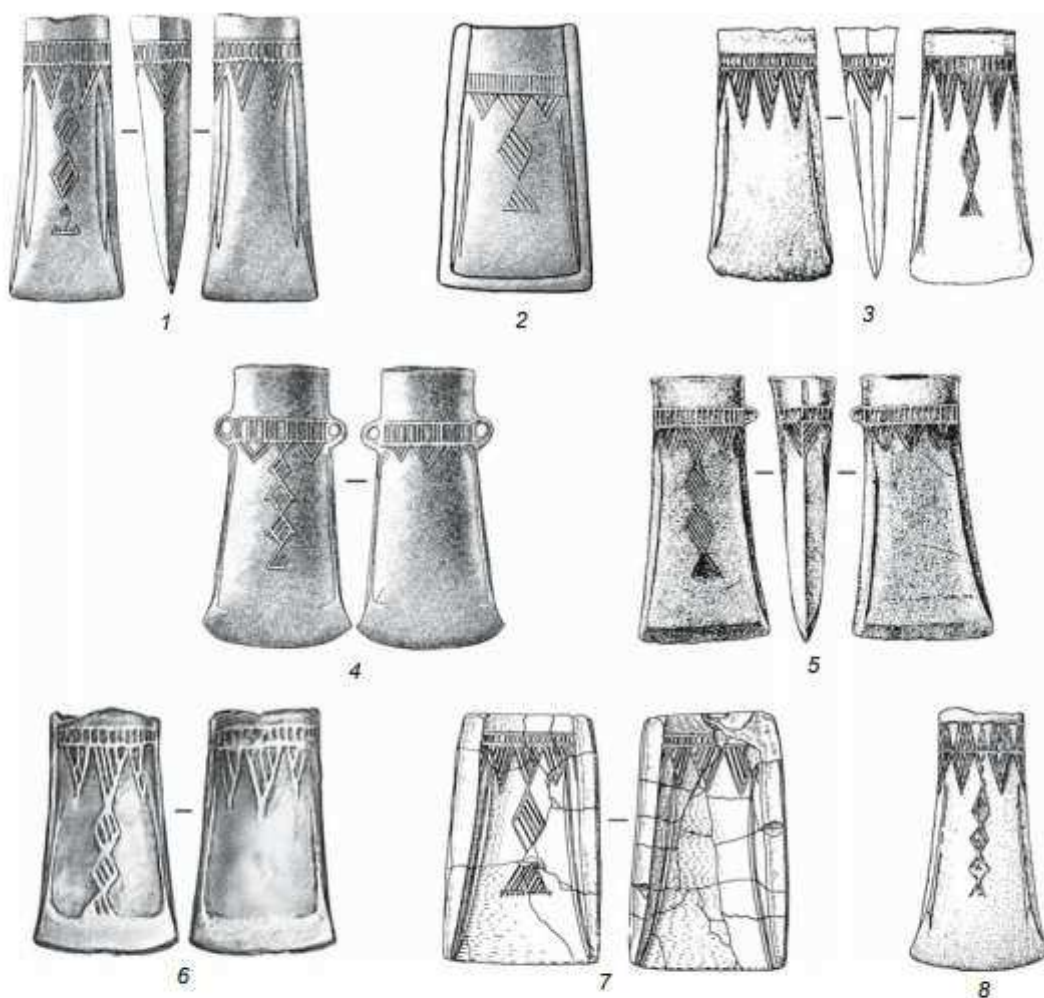

Рис. 2. Орнаментальные параллели архекасскому кельту.

1 – Соколовка; 2 – Усть-Собакино; 3 – пос. Мундыбаш-I (р. Кондома); 4 – Николаевка (Алтай); 5 – Шайтанское озеро II; 6 – гора Арчекас; 7 – Сопка II; 8 – устье р. Тарсымы.

1, 2, 7 – по: [Черных, Кузьминых, 1989]; 3, 8 – по: [Бобров, 2000]; 4 – по: [Уманский, 1992]; 5 – по: [Сериков и др., 2008].

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

М.В. Сергеев

подпись инициалы, фамилия

« 25 » июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01– История

Красноярско-Канская лесостепь в системе
межкультурных связей в позднем бронзовом веке

Руководитель

Выпускник

В. П.
подпись, дата

25.06.19
подпись, дата

д.и.н. профессор
должность, ученая степень

В. П. Кривоногов

А. В. Кудров

Красноярск 2019